

Выпечка от Манечки. Детектив со вкусом

ПИРОГ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

детектив

Книга вторая

Н. Р. Эшфорд

Николас Реймонд Эшфорд

Пирог с двойным дном

«Автор»

2026

Эшфорд Н.

Пирог с двойным дном / Н. Эшфорд — «Автор», 2026

В поселке «Шале-Петушки» ограблена антикварная лавка. Пропала старинная кулинарная книга XVII века, в которой, по слухам, содержатся рецепты «для наведения порчи». Единственная улика – надкушенный вишнёвый пирог, испечённый Манефой для ярмарки. Но Манефа уверена: пирог она пекла с любовью, и никакой порчи там нет. Кто-то хочет подставить её и завладеть книгой. Расследование выводит на тайное общество «Хранителей старого вкуса», которое десятилетиями охотится за запретными рецептами. А Марсель находит под половицей записку с адресом, где может скрываться настоящий похититель.

© Эшфорд Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Вишнёвый след	6
Глава 1. Ярмарка, которая не задалась	6
Глава 2. Пирог как вещественное доказательство	17
Глава 3. Батюшка с лупой	28
Глава 4. Тайна старого шкафа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николас Реймонд Эшфорд

Пирог с двойным дном

Оглавление

Часть I. Вишнёвый след

Глава 1. Ярмарка, которая не задалась

Глава 2. Пирог как вещественное доказательство

Глава 3. Батюшка с лупой

Глава 4. Тайна старого шкафа

Часть II. Запретный ингредиент

Глава 6. Общество «Хранителей старого вкуса»

Глава 7. Лерка в роли дипломата

Глава 8. Вторая половина книги

Глава 9. Ночной обыск в антикварной лавке

Глава 10. Письмо из прошлого

Часть III. Полуфабрикаты правды

Глава 11. Кто боится вишнёвой косточки?

Глава 12. Подозреваемые: батюшка, свекровь, торговец с рынка

Глава 13. Операция «Книжный червь»

Глава 14. Исповедь старьевщика

Глава 15. Рецепт, которого не было

Часть IV. Горячий пирог

Глава 16. Засада в особняке

Глава 17. Марсель – проводник

Глава 18. Двойное дно

Глава 19. Ярмарка продолжается (эпилог)

Часть I. Вишнёвый след

Глава 1. Ярмарка, которая не задалась

Если вы думаете, что жизнь в «Шале-Петушках» после всех наших приключений с тарелками, брошами и отравленными эклерами вошла в спокойное русло, то вы, мягко говоря, ошибаетесь. Спокойствие в нашем поселке — понятие относительное, как «диетический» эклер или «честный» риелтор. Оно может длиться ровно до тех пор, пока кто-нибудь не решит, что тишина — это скучно, и не подкинет нам очередную загадку.

На этот раз загадка пришла в виде вишнёвого пирога. Да-да, того самого, который я пекла для ежегодной благотворительной ярмарки в поддержку местного приюта для бездомных животных. И, как вы уже догадались, пирог этот стал главным вещественным доказательством в деле об ограблении, которое потрясло наш и без того беспокойный посёлок.

Всё началось в семь утра, когда я стояла на кухне в своём любимом фартуке с вышитыми вишенками (Лерка подарила, сказав, что «это к лицу моему новому статусу кондитерши-детектива») и колдовала над тестом для того самого пирога. Марсель, как обычно, сидел на холодильнике и смотрел на меня с выражением, которое можно было перевести только так: «Ты опять печёшь это сладкое, а не мясное? Когда уже будут нормальные котлеты?»

— Марсель, не ворчи, — сказала я, раскатывая тесто. — Это для благого дела. Сиротки-животные должны питаться не только сухим кормом, но и добрыми делами. А добрые дела, как известно, начинаются с вкусных пирогов.

Кот фыркнул и демонстративно отвернулся, давая понять, что его не купить на эти ваши филантропические речи. Он требовал колбасу, и точка.

Ярмарка должна была открыться в десять, и я планировала успеть не только с пирогом, но и с партией эклеров, которые уже ждали своей очереди в холодильнике. Вишнёвый пирог был моим коронным номером: слоёное тесто, нежная заварная прослойка, свежие вишни из сада Маргариты Павловны (она отдала мне целое ведро, сказав, что «у неё в этом году урожай, как у попа в пост»), и щепотка ванили для аромата. Пирог получался таким, что даже Марсель, несмотря на свою нелюбовь к сладкому, иногда просил кусочек — правда, только для того, чтобы выковырять из него вишни и оставить тесто на тарелке.

Я как раз заканчивала украшать пирог сахарной пудрой, когда в кухню ворвалась Лерка. Вид у неё был такой, словно она только что увидела привидение, и это привидение было вооружено баллончиком с краской.

— Маня! — закричала она с порога, даже не сняв свою новую шляпку с искусственными вишнями (она купила её специально к ярмарке, чтобы «поддерживать общую вишнёвую тему»). — Там такое! В антикварной лавке! Ограбление! И... и... — она перевела дыхание и выпалила: — И там нашли кусок твоего пирога!

Я замерла с ситечком в руке, и облако сахарной пудры осело на моём носу.

— Какого моего пирога? — переспросила я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Я же ещё никуда его не носила!

— Ну, не твоего, а похожего на твой! — Лерка замахала руками. — Там, в лавке, на прилавке лежал надкушенный кусок вишнёвого пирога. И все говорят, что это ты его принесла, потому что ты единственная в посёлке, кто печёт такие пироги с вишнями! А я говорю: ерунда! Ты бы никогда не стала есть пирог на месте преступления! Ты слишком воспитана для этого!

— Лера, давай по порядку, — я поставила ситечко и вытерла нос. — Какое ограбление? Что украли?

— Книгу! — она всплеснула руками так, что шляпка съехала набок. — Старинную кулинарную книгу семнадцатого века! Хозяин лавки, Никодим Книжный, говорит, что она стояла целое состояние и что в ней рецепты для наведения порчи! Представляешь? Порчи! Как в средневековье!

— Порчи? — я нахмурилась. — Какая чушь. В семнадцатом веке не было никаких порч, были просто забытые рецепты. Наверное, какой-нибудь древний способ засолки огурцов или выпечки хлеба.

— Маня, там, по слухам, был рецепт «Пирога раздора»! — Лерка понизила голос до заговорщицкого шёпота. — Который, если съесть, заставляет людей ссориться! И ещё «Кекс забвения»! И «Торт проклятия»! Никодим говорил, что это всё не просто выпечка, а настоящие магические артефакты!

Я хотела возразить, что любой пирог может стать «пирогом раздора», если его неправильно разделить между соседями, но в этот момент в дверь позвонили. На пороге стоял участковый Сидорчук — тот самый, который уже успел засветиться в наших предыдущих приключениях. Он был без фуражки (видимо, от волнения потерял) и выглядел так, словно у него разом отвалились все усы.

— Манефа Сергеевна, — начал он, тяжело дыша, — я вынужден задать вам пару вопросов. У нас тут ограбление, и на месте преступления найден кусок пирога, который, по описанию, очень похож на ваш.

— Сидорчук, я не пекла никаких пирогов для антикварной лавки! — возмутилась я. — Я пекла пирог для ярмарки! Для благотворительности! Он ещё даже не остыл!

— Я знаю, — он вздохнул. — Но улика есть улика. Мне пришлось взять пробу. Воронов уже едет, он хочет с вами поговорить.

— Аркадий? — я почувствовала облегчение. Если уж муж взялся за дело, значит, он разберётся по-честному.

Через пятнадцать минут в моей кухне (мы перешли туда, потому что на пороге было неудобно) сидел Аркадий Воронов — теперь уже официально мой жених, хотя свадьбу мы отложили до окончания всех этих детективных передраг. Он был в своём привычном костюме, с папкой в руках и с тем самым выражением лица, которое я научилась читать как «дело пахнет жареным, но я разберусь».

— Манефа, — сказал он, открывая папку, — давай сразу к делу. Сегодня ночью была ограблена антикварная лавка Никодима Книжного. Пропала старинная кулинарная книга семнадцатого века, предположительно содержащая рецепты «ритуальной выпечки». На месте преступления — на прилавке — мы нашли надкушенный кусок вишнёвого пирога. Экспертиза показала, что пирог испечён недавно, и по составу он полностью идентичен твоему фирменному пирогу. Что ты можешь сказать?

Я перевела дух и принялась объяснять, что пирог пекла для ярмарки, что он никуда не исчезал, что я не имею никакого отношения к ограблению и что, вообще-то, я даже не знаю, где находится эта антикварная лавка. Аркадий слушал внимательно, иногда кивая и делая пометки. Лерка сидела в углу, сжимая в руках перцовый баллончик (она теперь всегда носила его с собой, даже на ярмарку), и время от времени вставляла комментарии вроде «Я же говорила! Это подстава!» или «Надо проверить бабу Нюру, она везде суёт свой нос!».

Когда я закончила, Аркадий закрыл папку и посмотрел на меня с той самой улыбкой, которая появлялась у него, когда он понимал, что дело не так просто, как кажется.

— Я тебе верю, — сказал он. — Но улика есть улика. Пока что ты — главная подозреваемая. Я буду вести расследование, но тебе придётся посидеть дома и не вмешиваться.

— Не вмешиваться? — я чуть не поперхнулась чаем. — Аркадий, это я! Манефа! Я не могу сидеть сложа руки, когда на меня вешают ограбление! Тем более, что пирог я пекла сама, и я знаю, что он не мог оказаться в лавке без моего ведома!

— Вот это мы и проверим, — он встал и поцеловал меня в лоб. — Я всё выясню. Обещаю. Когда он ушёл, Лерка подскочила ко мне с горящими глазами.

— Маня, это же дело! Настоящее дело! Мы должны его раскрыть! Вспомни, сколько мы уже расследовали! И тарелки, и брошь, и Гастона... А тут — просто книга и пирог! Мы справимся за пару дней!

— Лера, — я устало опустилась на стул, — Аркадий просил не вмешиваться.

— А ты когда-нибудь слушалась? — она подмигнула. — Давай начнём с малого. Пойдём в антикварную лавку, посмотрим на место преступления. Я слышала, Никодим Книжный — мужик странный, вечно говорит загадками. Может, он сам книгу и спрятал? Чтобы получить страховку?

— Никодим? — я задумалась. — Но зачем ему подставлять меня?

— А кто его знает! Может, он ревнует к твоей популярности после того эфира! Или он — бывший член того самого общества «Хранителей старого вкуса», о котором говорили в новостях!

Я вздохнула. Лерка, как всегда, была права в одном: сидеть и ждать — не в моём характере. И если кто-то хочет подставить меня с помощью моего же пирога, то лучшее, что я могу сделать, — это найти настоящего вора раньше, чем полиция.

— Хорошо, — сказала я, снимая фартук. — Пошли. Но только посмотрим. И ничего не трогать.

— Конечно, — Лерка сделала невинное лицо, которое я знала слишком хорошо. Оно означало, что она собирается трогать всё, до чего дотянется.

Мы вышли из дома и направились к антикварной лавке, которая находилась на центральной улице, между аптекой и магазином «Всё для дачи». Марсель, как всегда, увязался за нами, несмотря на мои попытки оставить его дома. Он гордо вышагивал впереди, задрав хвост, и время от времени оглядывался, проверяя, не отстаём ли мы.

Антикварная лавка «У Никодима» выглядела именно так, как и должна выглядеть лавка странного старьёвщика: пыльная витрина, на которой виднелись старинные часы, фарфоровые куклы с пустыми глазами и несколько книг в потёртых переплётках. Дверь была опечатана полицейской лентой, но Лерка, не долго думая, нырнула под неё и поманила меня за собой.

— Лера, нам нельзя! — прошипела я. — Это место преступления!

— Мы просто посмотрим, — она уже крутилась вокруг прилавка. — Маня, смотри! Вот тот самый кусок пирога! Они его уже убрали, но на прилавке осталась жирная бумага и крошки!

Я подошла ближе. Действительно, на прилавке лежал кусок вощёной бумаги, на котором ещё виднелись следы вишнёвого сока. И крошки. Много крошек. Те самые, которые я оставляю после выпечки. Но я-то знала, что мой пирог стоял на кухне, в холодильнике, и никто не мог его украсть, потому что Марсель стерёг его как зеницу ока.

— Это не мой пирог, — твёрдо сказала я. — Или не только мой. Кто-то испёк точно такой же.

— Или подделал твой, — добавила Лерка. — Помнишь, Гастон подделывал тарелки? Может, здесь тот же принцип.

В этот момент из подсобки раздался шум, и мы обе замерли. Марсель, который всё это время спокойно сидел у входа, вдруг насторожился, зашипел и бросился в сторону. Я кинулась за ним и увидела, как в открывшееся окно кто-то выпрыгнул на улицу. Тёмная фигура мелькнула за занавесками и исчезла.

— Лера, это был кто-то! — закричала я. — Он сбежал через окно!

— Догоним! — Лерка уже была у двери, но я схватила её за руку.

— Не надо. Мы не знаем, что у него было. Может, оружие. Позвоним Аркадию.

Я набрала номер мужа. Он ответил сразу, и я, сбиваясь, рассказала о фигуре, о том, что мы нашли в лавке и что кто-то явно вернулся за уликами.

— Сидите на месте, — приказал он. — Я выезжаю. И, Манефа, я же просил не вмешиваться!

— Мы не вмешиваемся, — парировала я. — Мы... расследуем.

В трубке послышался тяжёлый вздох, который мы оба знали слишком хорошо. Это был вздох человека, который уже смирился с тем, что его жену и её подругу невозможно удержать от приключений.

Аркадий приехал через пятнадцать минут. Осмотрел лавку, заглянул в окно, из которого выпрыгнул неизвестный, и покачал головой.

— Следы ведут к старому особняку на окраине, — сказал он. — Там давно никто не живёт. Но кто-то явно там прячется.

— Так что, едем? — Лерка уже была в боевой готовности.

— Едем, — кивнул Аркадий. — Но без вас. Вы возвращаетесь домой и сидите тихо.

— Ни за что! — хором ответили мы.

В конце концов он сдался — как всегда. И мы вчетвером (с Марселем, который, казалось, понимал, что нас ждёт что-то важное) отправились к старому особняку. Внутри было темно и сыро, пахло плесенью и старыми книгами. Мы прошли вглубь и увидели комнату, где на столе лежали несколько старинных книг. И среди них — та самая, из антикварной лавки.

Аркадий осторожно взял её в руки. На обложке было выгравировано название: «Пирог и заклинания. Рецепты для избранных».

— Это она, — сказал он. — Но здесь только первая половина. Вторая, видимо, была украдена раньше.

— Значит, кража была не ради книги, — догадалась я. — А ради её второй половины. Кто-то хотел заполучить полную версию.

— И подставить тебя, — добавила Лерка. — Чтобы отвести подозрения.

Мы стояли в полумраке старого особняка, и я понимала: наше новое расследование только начинается.

А Марсель, который сидел у моих ног и вылизывал лапу, словно говорил: «Я же предупреждал. Не слушаться меня — себе дороже».

Но я его не слушала. Как и всегда. И, как всегда, была права.

Мы стояли в полумраке старого особняка, и я понимала: наше новое расследование только начинается. Аркадий бережно положил книгу в прозрачный пакет для улики, застегнул его и мрачно посмотрел на нас.

— Всё это очень странно, — сказал он, оглядывая комнату, заставленную старыми шкафами и сундуками. — Книгу оставили здесь, но взяли только половину. Зачем было её красть, чтобы потом бросить?

— Может, вор понял, что это подделка? — предположила Лерка, которая уже успела обследовать все углы и даже заглянуть под стол. — Или его спугнули?

— Или он искал именно вторую половину, а первую взял для отвода глаз, — я провела пальцем по пыльной поверхности стола. — Смотрите, здесь есть следы от двух книг. Видите прямоугольники? Один чуть больше другого. Значит, здесь лежали две книги, и одну из них забрали.

Аркадий подошёл, присел и внимательно осмотрел следы.

— Ты права, — кивнул он. — Одна книга была меньше — та, которую мы нашли. Вторая — больше, она явно отсутствует. Судя по отпечатку, это мог быть тот самый фолиант, который пропал из лавки. Но тогда что это за маленькая книга? — он указал на пакет.

— Может, это ключ к поиску второй половины? — Лерка подпрыгнула от нетерпения. — Давайте откроем её!

— Не здесь, — Аркадий спрятал пакет в служебный портфель. — Я отвезу её в участок, проведу экспертизу. А вы, дамы, — он строго посмотрел на нас, — отправляйтесь домой и готовьтесь к ярмарке. Я приеду, как только освобожусь.

— А как же ограбление? — возмутилась Лерка. — Мы только начали!

— Расследование буду вести я, — отрезал он, но в глазах уже заплясали смешинки. — Но если вы найдёте что-то полезное... скажем, кто мог оставить тот пирог в лавке... я не стану возражать против вашей помощи.

Лерка просияла, а я только вздохнула. Этот мужчина знал, как мотивировать нас, даже когда приказывал сидеть смирно.

Мы покинули особняк, когда солнце уже стояло высоко. Ярмарка должна была начаться через час, а у меня на кухне ещё стоял нетронутый пирог и целая партия эклеров, которые ждали своей участи. Марсель, который всё это время вёл себя на удивление прилично, вдруг остановился у ворот особняка и начал настойчиво скрестить лапой по земле.

— Что там? — я наклонилась.

Кот рыл землю с таким азартом, словно искал клад. Через минуту из-под слоя песка показался уголок плотного конверта. Я подняла его и развернула. Внутри лежал листок бумаги, исписанный каллиграфическим почерком — тем самым, который мы уже видели в письмах Аглаи. Но это был не её почерк. Более современный, но с теми же завитушками, словно кто-то старательно копировал старую манеру.

«Тому, кто найдёт эту записку. Знай: книга, которую ты ищешь, спрятана там, где вишни цветут дважды в год. Там, где тени прошлого встречаются с настоящим. Не доверяй тем, кто предлагает дешево. И берегись батюшки. Он знает больше, чем говорит. Подпись: Хранитель.»

— Батюшка? — Лерка прочитала записку через моё плечо. — Это про отца Паисия? Нашего священника?

— Больше некому, — я спрятала записку в карман. — Но при чём здесь батюшка? Он же всегда ведёт себя тихо и благочестиво.

— Внешность обманчива, — хмыкнула Лерка. — Помнишь, он как-то на проповеди сказал, что «вкусная пища — это дар божий, но слишком вкусная — искушение»? Может, он тоже охотится за запретными рецептами?

— Давай не будем делать поспешных выводов, — я погладила Марселя, который гордо стоял рядом, явно ожидая похвалы. — Сначала надо разобраться, кто такой этот «Хранитель» и зачем он оставил нам подсказку.

Мы вернулись домой, и я, несмотря на все тревоги, всё же решила не отменять участие в ярмарке. Пирог был уже упакован, эклеры разложены по коробкам, и оставалось только донести всё до площади, где проходило мероприятие. Лерка вызвалась помочь и, пока я переодевалась, успела надеть свою вишнёвую шляпку и прихватить перцовый баллончик (на всякий случай).

На площади уже кипела жизнь. Деревянные прилавки с домашней выпечкой, вареньем, соленьями и поделками местных мастеров тянулись вдоль центральной аллеи. Музыка играла, дети бегали с воздушными шарами, а запах жареных пирожков смешивался с ароматом цветов. Наш столик стоял в самом центре, и я уже видела, как Маргарита Павловна машет нам рукой с соседнего прилавка, где красовались её георгины и гладиолусы.

— Манечка! — закричала она, едва я подошла. — Ты слышала про ограбление? Говорят, твой пирог нашли на месте преступления! Это правда?

— Правда, — вздохнула я, ставя коробки на стол. — Но я не имею к этому отношения. Кто-то подставил меня.

— Я так и знала! — Маргарита Павловна закатила глаза. — В нашем посёлке без подстав нельзя. Вот в моё время было иначе. Хотя... — она задумалась, — в моё время тоже было полно интриг. Особенно на конкурсах по цветоводству.

Я улыбнулась и начала раскладывать эклеры. Мне нужно было сосредоточиться на ярмарке, но мысли упорно возвращались к записке, к книге, к таинственному батюшке. Кто же он на самом деле? И что за «вишни, цветущие дважды в год»? Таких мест в нашем посёлке не было.

Лерка, видимо, думала о том же. Она подошла ко мне и зашептала:

— Маня, я знаю, где цветут вишни дважды. Это у старого кладбища за Заозерным. Там есть старая вишнёвая роща, и местные говорят, что некоторые деревья цветут весной и осенью. Я как-то читала об этом в газете.

— Ты хочешь сказать, что книга спрятана там? — я нахмурилась. — Но это же очень далеко.

— Зато логично. «Тени прошлого» — кладбище, «встречаются с настоящим» — мы, которые ищем. Может, это не просто подсказка, а приглашение.

— Или ловушка, — я покачала головой. — Сначала надо проверить, что говорит Аркадий. Он обещал приехать к обеду.

Но Аркадий не приехал. Вместо него пришло сообщение: «Задерживаюсь. Экспертиза показала, что книга — подделка. Настоящая где-то ещё. Жди дома, вечером поговорим».

— Подделка! — Лерка прочитала сообщение через моё плечо. — Значит, та книга, которую мы нашли в особняке, — фальшивка. А настоящая всё ещё у вора.

— Или в той самой роще, — я убрала телефон. — Лера, ты не боишься?

— Я с тобой и с Марселем, — она подмигнула. — Чего бояться?

Я вздохнула и взглянула на часы. До закрытия ярмарки оставалось три часа. У нас было время, чтобы съездить в Заозерное и вернуться, если поторопиться.

— Хорошо, — решила я. — Но сначала доделаем дела здесь. И, Лера, если увидишь батюшку — не смотри на него подозрительно.

— А как надо? — она сделала невинное лицо.

— Как на обычного человека.

— Не умею, — честно призналась Лерка. — Но попробую.

Остаток дня прошёл в суете. К нашему столику выстроилась очередь из желающих попробовать вишнёвый пирог и эклеры. К пяти часам вечера всё было распродано, и я, оставив Маргариту Павловну заканчивать, собралась в дорогу.

Мы с Леркой и Марселем (кот запрыгнул в переноску без лишних слов, чувствуя, что нас ждёт очередное приключение) сели в такси и отправились в Заозерное. Старая вишнёвая роща действительно находилась рядом с кладбищем, и когда мы подъехали, солнце уже клонилось к закату.

Роща встретила нас тишиной. Странное место: старые деревья с искривлёнными стволами, густая трава, в которой прятались опавшие ягоды, и лёгкий ветер, шелестящий листьями. Марсель выпрыгнул из переноски и сразу побежал вглубь, словно знал, куда надо.

Мы пошли за ним. Через несколько минут кот остановился у старого, почти сгнившего пня, на котором лежала небольшая металлическая шкатулка. Я наклонилась и открыла её. Внутри лежала всё та же книга — та, которую мы нашли в особняке. Но теперь она была целой, не разделённой на две половины.

— Это она! — прошептала Лерка.

Я взяла книгу и перелистнула страницы. Внутри, между рецептами, были вложены старые письма и какая-то карта. На одном из писем стояла подпись: «Хранитель». Тот же почерк, что и в записке.

— Значит, «Хранитель» оставил книгу здесь, — я закрыла шкатулку. — Но зачем? И почему он не отдал её полиции?

— Потому что он сам — часть этой истории, — раздался голос за спиной.

Мы обернулись. На краю рощи стоял пожилой человек в длинном пальто — тот самый Никодим Книжный, хозяин антикварной лавки. Он смотрел на нас с грустной улыбкой.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он. — Вы — наследница Перепонкиных. Вам и суждено было найти эту книгу.

— Вы — Хранитель? — спросила я.

— Один из них, — он кивнул. — Я подложил тот пирог в лавку не для того, чтобы подставить вас. Я хотел привлечь ваше внимание. Настоящая книга всегда была здесь. А украденная — лишь её копия, которую я сам и изготовил, чтобы отвлечь охотников.

— Каких охотников?

— Общество «Хранителей старого вкуса» распалось десять лет назад, но некоторые его члены до сих пор ищут запретные рецепты. Они думают, что в этой книге зашифрованы секреты вечной молодости и богатства. Но там только рецепты. Обычные, человеческие рецепты. И одна карта, — он указал на книгу. — Карта старого имения, где хранится настоящее наследие. Не книги, а земля. Место, где можно построить приют для детей. Или для животных. Я хотел, чтобы вы, как хранительница рода, решили, что с этим делать.

Я смотрела на него, на книгу, на закатное солнце, пробивающееся сквозь ветви. И понимала: эта история была не о краже, а о доверии. О том, как передать память дальше, не потеряв её по пути.

— Спасибо, — сказала я. — Я разберусь.

Мы вернулись в «Шале-Петушки», когда на площади уже зажигали фонари. Ярмарка заканчивалась, но люди всё ещё гуляли, смеялись, ели мороженое. Я смотрела на них и думала, что самое ценное — не старые книги и не тайные карты, а этот вот вечер, когда всё хорошо, когда все вместе и когда впереди новый день.

Марсель сидел у моих ног и мурлыкал. А я знала: завтра мы начнём новое расследование. Но сегодня — просто наслаждаться тишиной и вишнёвым пирогом, который мы всё-таки доставили на ярмарку и который, кстати, никто не отравил.

Пирог с двойным дном, как я теперь понимала, — это не просто название книги. Это было то, что мы нашли сегодня. И это было только начало.

Когда мы вернулись в «Шале-Петушки», на площади уже зажигали фонари, и тёплый вечерний воздух был наполнен ароматами жареных пирожков и цветущей сирени. Ярмарка постепенно затихала — торговцы сворачивали прилавки, дети с воздушными шарами расходились по домам, а музыканты упаковывали инструменты. Но мне казалось, что в воздухе всё ещё витает напряжение того дня, которое никак не хотело рассеиваться.

Лерка, держа в руках шкатулку с книгой, выглядела так, будто мы только что нашли не старинный фолиант, а по меньшей мере сундук с сокровищами. Она то и дело поглядывала на меня с заговорщицким видом, но молчала — видимо, понимала, что сейчас не время для обсуждений. Марсель, утомлённый приключениями, мирно спал в переноске, и только изредка его пушистый хвост свешивался наружу, выдавая неглубокий сон.

Дома нас ждал Аркадий. Он сидел на кухне, перед ним стояла уже остывшая чашка кофе, а на столе лежали разложенные бумаги — результаты экспертизы и какие-то выписки из архивов. Увидев нас, он поднялся и первым делом обнял меня, а потом перевёл взгляд на шкатулку в руках Лерки.

— Это она? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

— Она, — я поставила шкатулку на стол и открыла крышку. — Но не та, которую украли. Настоящая. Никодим Книжный сам подложил копию в лавку, чтобы отвлечь охотников. Он — Хранитель, и он хотел, чтобы книга попала ко мне.

Аркадий взял книгу в руки и принялся осторожно перелистывать страницы. Его глаза скользили по старым рецептам, а пальцы осторожно касались выцветших чернил.

— Значит, ограбление было инсценировкой, — медленно произнёс он. — А пирог на месте преступления — приманкой. Чтобы ты заинтересовалась.

— Получается, что так, — я села напротив. — Никодим сказал, что книга принадлежала роду, враждовавшему с Перепонкиными, и что в ней зашифрована карта старого имения. Он хочет, чтобы я решила, что с этим делать.

— И что ты решила? — Аркадий поднял на меня глаза.

— Я не знаю, — честно призналась я. — С одной стороны, это — часть истории. Моей истории, нашей истории. С другой — это просто старые бумаги, которые могли бы лежать в музее и никому не мешать. Но Никодим сказал, что в книге есть карта. Карта места, где можно построить приют для детей или для животных. И он считает, что я должна распорядиться этим правильно.

— Маня, — Аркадий взял меня за руку, — ты не обязана решать всё сразу. Книга никуда не денется. Мы можем изучить её, проверить, что там на самом деле, и только потом принимать решение. Если там действительно карта старого имения, возможно, есть смысл передать её в местные власти или даже выкупить землю на благотворительные средства.

— Я об этом тоже думала, — я улыбнулась, чувствуя, как напряжение дня начинает отпускать. — Но сегодня, после всего, что случилось, я просто хочу выпить чаю и лечь спать. Завтра мы всё обсудим.

Лерка, которая до этого молча сидела в углу и внимательно слушала, вдруг вскочила и хлопнула в ладоши:

— Я знаю, что нам нужно сделать! Мы организуем благотворительный вечер! Пригласим всех — и Никодима, и Маргариту Павловну, и даже бабушку! И там, за чашкой чая и куском вишнёвого пирога, мы решим, как использовать эту землю. Это же будет идеально! И прозрачно, и по-человечески!

Я посмотрела на Лерку, потом на Аркадия и почувствовала, что внутри зарождается та самая искорка, которая всегда появлялась перед началом нового дела.

— Знаешь, — сказала я, — это действительно хорошая идея. Но сначала мы должны узнать, что это за «Хранители старого вкуса» и почему Никодим так боится, что книга попадёт в чужие руки. И кто те люди, которые охотятся за ней.

— Всё узнаем, — заверил Аркадий. — У меня уже есть кое-какие зацепки. Но об этом — завтра. Сегодня мы все заслужили отдых.

Марсель, проснувшись и услышав слово «отдых», спрыгнул с дивана и направился к своей миске, выразительно поглядывая на меня. Мол, если уж отдыхать, то с ужином.

Я рассмеялась и насыпала ему корм. А потом мы сидели на кухне, пили чай с остатками того самого пирога (который чудом уцелел и оказался совершенно обычным, без всякой «порчи»), и обсуждали планы на завтра.

За окном догорал закат, и над «Шале-Петушками» зажигались первые звёзды. Я смотрела на них и думала о том, что жизнь в нашем посёлке никогда не бывает скучной. И, наверное, это хорошо. Потому что скука — она как несвежий пирог. Её можно съесть, но удовольствия не получишь.

А впереди был новый день. С новыми тайнами. С новым вишнёвым пирогом. И с новыми загадками, которые нам предстояло разгадать.

Я закрыла глаза и улыбнулась. Утро принесёт ответы. А пока — просто тишина, тёплый чай и рыжий кот у ног.

Когда мы вернулись в «Шале-Петушки», на площади уже зажигали фонари, и тёплый вечерний воздух был наполнен ароматами жареных пирожков и цветущей сирени. Ярмарка постепенно затихала — торговцы сворачивали прилавки, дети с воздушными шарами расхо-

дились по домам, а музыканты упаковывали инструменты. Но мне казалось, что в воздухе всё ещё витает напряжение того дня, которое никак не хотело рассеиваться.

Лерка, держа в руках шкатулку с книгой, выглядела так, будто мы только что нашли не старинный фолиант, а по меньшей мере сундук с сокровищами. Она то и дело поглядывала на меня с заговорщицким видом, но молчала — видимо, понимала, что сейчас не время для обсуждений. Марсель, утомлённый приключениями, мирно спал в переноске, и только изредка его пушистый хвост свешивался наружу, выдавая неглубокий сон.

Дома нас ждал Аркадий. Он сидел на кухне, перед ним стояла уже остывшая чашка кофе, а на столе лежали разложенные бумаги — результаты экспертизы и какие-то выписки из архивов. Увидев нас, он поднялся и первым делом обнял меня, а потом перевёл взгляд на шкатулку в руках Лерки.

— Это она? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

— Она, — я поставила шкатулку на стол и открыла крышку. — Но не та, которую украл. Настоящая. Никодим Книжный сам подложил копию в лавку, чтобы отвлечь охотников. Он — Хранитель, и он хотел, чтобы книга попала ко мне.

Аркадий взял книгу в руки и принялся осторожно перелистывать страницы. Его глаза скользили по старым рецептам, а пальцы осторожно касались выцветших чернил.

— Значит, ограбление было инсценировкой, — медленно произнёс он. — А пирог на месте преступления — приманкой. Чтобы ты заинтересовалась.

— Получается, что так, — я села напротив. — Никодим сказал, что книга принадлежала роду, враждовавшему с Перепонкиными, и что в ней зашифрована карта старого имения. Он хочет, чтобы я решила, что с этим делать.

— И что ты решила? — Аркадий поднял на меня глаза.

— Я не знаю, — честно призналась я. — С одной стороны, это — часть истории. Моей истории, нашей истории. С другой — это просто старые бумаги, которые могли бы лежать в музее и никому не мешать. Но Никодим сказал, что в книге есть карта. Карта места, где можно построить приют для детей или для животных. И он считает, что я должна распорядиться этим правильно.

— Маня, — Аркадий взял меня за руку, — ты не обязана решать всё сразу. Книга никуда не денется. Мы можем изучить её, проверить, что там на самом деле, и только потом принимать решение. Если там действительно карта старого имения, возможно, есть смысл передать её в местные власти или даже выкупить землю на благотворительные средства.

— Я об этом тоже думала, — я улыбнулась, чувствуя, как напряжение дня начинает отпускать. — Но сегодня, после всего, что случилось, я просто хочу выпить чаю и лечь спать. Завтра мы всё обсудим.

Лерка, которая до этого молча сидела в углу и внимательно слушала, вдруг вскочила и хлопнула в ладоши:

— Я знаю, что нам нужно сделать! Мы организуем благотворительный вечер! Пригласим всех — и Никодима, и Маргариту Павловну, и даже бабушку! И там, за чашкой чая и куском вишнёвого пирога, мы решим, как использовать эту землю. Это же будет идеально! И прозрачно, и по-человечески!

Я посмотрела на Лерку, потом на Аркадия и почувствовала, что внутри зарождается та самая искорка, которая всегда появлялась перед началом нового дела.

— Знаешь, — сказала я, — это действительно хорошая идея. Но сначала мы должны узнать, что это за «Хранители старого вкуса» и почему Никодим так боится, что книга попадёт в чужие руки. И кто те люди, которые охотятся за ней.

— Всё узнаем, — заверил Аркадий. — У меня уже есть кое-какие зацепки. Но об этом — завтра. Сегодня мы все заслужили отдых.

Марсель, проснувшись и услышав слово «отдых», спрыгнул с дивана и направился к своей миске, выразительно поглядывая на меня. Мол, если уж отдыхать, то с ужином.

Я рассмеялась и насыпала ему корм. А потом мы сидели на кухне, пили чай с остатками того самого пирога (который чудом уцелел и оказался совершенно обычным, без всякой «порчи»), и обсуждали планы на завтра.

За окном догорал закат, и над «Шале-Петушками» зажигались первые звёзды. Я смотрела на них и думала о том, что жизнь в нашем посёлке никогда не бывает скучной. И, наверное, это хорошо. Потому что скука — она как несвежий пирог. Её можно съесть, но удовольствия не получишь.

А впереди был новый день. С новыми тайнами. С новым вишнёвым пирогом. И с новыми загадками, которые нам предстояло разгадать.

Я закрыла глаза и улыбнулась. Утро принесёт ответы. А пока — просто тишина, тёплый чай и рыжий кот у ног.

Пока мы сидели на кухне, допивая чай, я краем глаза заметила, как Марсель, закончивший свою вечернюю трапезу, направился не на диван, как обычно, а в сторону прихожей. Он остановился у старого комода, где я хранила всякую мелочь, и начал скрести лапой по ножке.

— Марсель? — я приподняла бровь, глядя на кота. — Что ты там нашёл?

Кот не ответил, но продолжал настойчиво царапать дерево так, словно хотел прокопать тоннель сквозь пол. Я отставила чашку, подошла к нему и опустилась на корточки. Он отступил на шаг, уступая мне место, и выразительно посмотрел на щель между комодом и стеной.

— Похоже, у нашего пушистого детектива опять появилась информация, — улыбнулся Аркадий, откладывая бумаги.

Я засунула руку в щель — и нащупала что-то бумажное. Осторожно, чтобы не порвать, я вытащила сложенный вчетверо листок, пожелтевший от времени. Он был без конверта, без подписи — только несколько строк, написанных тем же каллиграфическим почерком, что и записка в особняке.

«Если ты читаешь это, значит, Марсель снова тебя выдал. Прости, что не сказал всё при личной встрече. Я боялся, что нас могут подслушать. Настоящая угроза не в книге, а в тех, кто за ней охотится. Они уже близко. Береги себя и не доверяй сладким обещаниям. Завтра в полдень приходи в старую часовню у вишнёвой роици. Я расскажу тебе всё, что знаю. Хранитель».

Лерка прочитала записку через моё плечо и присвистнула.

— Опять Хранитель! И опять он не сказал самого главного! Какой-то у нас секретный секретарь!

— Возможно, он действительно боится, — задумчиво произнёс Аркадий, беря записку из моих рук. — Если за книгой охотится серьёзная организация, любой, кто связан с ней, находится в опасности. Но почему тогда он не обратился в полицию?

— Может быть, потому, что полиция не всегда может помочь, — ответила я. — Мы с тобой знаем это лучше всех, Аркадий. Вспомни, сколько раз мы находили ответы там, где официальные органы заходили в тупик. Возможно, он просто не доверяет системе.

— Или он сам — часть этой системы, — добавил Аркадий, но в его голосе не было осуждения, только осторожное размышление. — Что ж, завтра в полдень. У нас есть время подготовиться.

Мы решили не откладывать и обсудили план действий. Аркадий собирался проверить, кто такой Никодим Книжный на самом деле и какие у него могут быть связи с «Хранителями старого вкуса». Лерка вызвалась разузнать о батюшке — она собиралась сходить к нему на исповедь, хотя для этого пришлось бы придумать какой-то «грех», чтобы не выглядеть подозрительно. Я же должна была подготовиться к встрече в часовне и, конечно, взять с собой Марсея — без него нам уже было как без рук.

Когда мы закончили, часы показывали почти полночь. Лерка, зевая, отправилась в свою комнату (она теперь жила у нас, пока не закончится ремонт в её квартире, который, судя по всему, мог затянуться до бесконечности). Аркадий ушёл в кабинет доделывать бумаги. А я осталась на кухне с чашкой уже остывшего чая и смотрела, как Марсель свернулся клубком на моих коленях.

«Береги себя и не доверяй сладким обещаниям», — прокручивала я в голове слова Хранителя. Что он имел в виду? Какие сладкие обещания? Может быть, речь шла о тех, кто обещал выгодно продать книгу? Или о тех, кто пытался подкупить Никодима? Или о чём-то совсем другом?

Я погладила Марселя, который благодарно замурлыкал, и посмотрела в окно. Луна висела низко над крышами, заливая улицы серебряным светом. Где-то вдалеке лаяла собака, и было слышно, как ветер шевелит листву сирени. Всё было тихо, спокойно, почти по-домашнему. Но я знала, что это лишь затишье перед бурей.

Завтра я встречу с Хранителем в старой часовне. И, возможно, узнаю наконец, кто он такой и почему так настойчиво втягивает меня в эту историю. А пока — просто ночь, тёплый кот и ожидание нового дня.

Я отнесла чашку в раковину, выключила свет и, поцеловав Аркадия на прощание (он уже успел уснуть за столом, уронив голову на бумаги), отправилась в спальню. Марсель, как тень, последовал за мной и устроился на подушке, урча как маленький мотор.

— Спокойной ночи, хвостатый детектив, — шепнула я.

Он приоткрыл один глаз, посмотрел на меня, и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло понимание. «Завтра будет трудный день», — как будто сказал он. И закрыл глаза.

Я лежала в темноте, вслушиваясь в тишину старого дома, и думала о том, что в «Шале-Петушках» никогда не бывает скучно. Наверное, поэтому я и люблю этот посёлок, несмотря на все его причуды, тайны и странных соседей. Потому что жизнь здесь — как хороший пирог: с начинкой, с секретами и с каким-то неуловимым вкусом, который хочется разгадывать снова и снова.

А завтра будет новый день. И новый пирог. И новая глава.

Глава 2. Пирог как вещественное доказательство

Утро наступило внезапно — с первыми лучами солнца, просочившимися сквозь неплотно задёрнутые шторы, и с настойчивым требовательным мяуканьем, от которого даже самый крепкий сон разлетается в пух и прах. Я открыла один глаз и увидела прямо перед собой рыжую морду Марселя, который сидел на моей подушке с таким видом, словно я проспала не меньше трёх дней и должна немедленно искупить свою вину перед ним завтраком.

— Всё-всё, — простонала я, пряча голову под одеяло, — сейчас встаю. Только дай мне пять минут.

Марсель дал ровно три. Потом он спрыгнул с кровати и принялся настойчиво скрести лапой по закрытой двери спальни, сопровождая это действие серией громких, требовательных мяуканий, которые, вне всякого сомнения, переводились как: «Ты обещала встать! Не обманывай кота! Это плохо кончится!»

Я сдалась. Аркадий, который, как оказалось, уже давно не спал и сидел на кухне с чашкой кофе, окинул меня понимающим взглядом.

— Он тебя разбудил? — спросил он с лёгкой улыбкой.

— Кто? Марсель? — я зевнула и потянулась. — Нет, это я сама проснулась. Просто решила подышать свежим воздухом и посмотреть на твою утреннюю красоту.

— Хорошо, что ты встала, — Аркадий пододвинул ко мне вторую чашку. — У нас есть новости. Не очень хорошие.

Я насторожилась и села напротив него. Марсель, не дождавшись немедленного кормления, забрался на стул и начал вылизывать лапу с таким видом, словно уже давно смирился с тем, что его никто не понимает.

— Какие новости? — спросила я, беря чашку.

— Сегодня утром пришла экспертиза по тому пирогу, который нашли в лавке. Его состав действительно совпадает с твоим, но есть одно «но». В нём нашли следы снотворного. Не смертельная доза, но вполне достаточная, чтобы человек потерял бдительность и заснул на час другой.

— Снотворное? — я поперхнулась кофе. — Но зачем? Чтобы усыпить Никодима, когда он был в лавке?

— Или чтобы кто-то мог спокойно там всё обыскать, — кивнул Аркадий. — Похоже, вор не просто украл книгу. Он хотел, чтобы Никодим не помешал ему. И использовал твой пирог как отвлекающий манёвр.

— Но я же не пекла этот пирог! — я возмутилась. — Точнее, пекла, но он был у меня на кухне! И Марсель его не трогал, я проверяла!

— Мы знаем, — Аркадий взял меня за руку. — Но улика есть улика. Пока что у нас есть только одна ниточка: тот, кто испёк этот пирог, знал твой рецепт. Или просто очень хорошо его скопировал.

Я задумалась. Рецепт вишнёвого пирога у меня был не совсем обычный: я добавляла в тесто немного миндальной эссенции и цедру лимона, что придавало ему особый вкус. Кто-то мог знать эту тонкость? Я перебрала в голове всех, кто пробовал мой пирог: Маргарита Павловна, Антонина Марковна, Лерка, Аркадий... и Никодим Книжный, которому я приносила пироги в подарок пару раз. Но он явно не стал бы подставлять себя же.

— Возможно, у меня есть подозрение, — медленно произнесла я, — но оно кажется слишком нелепым.

— Какое?

— Помнишь ту запись с ярмарки, когда я выступала в эфире и рассказывала рецепт? Я показывала, как месить тесто и сколько добавлять сахара. Там были крупные планы. Если кто-то записал, то мог воспроизвести рецепт один в один.

— Ты хочешь сказать, что у тебя появился кулинарный двойник? — в голосе Аркадия послышалась смешинка.

— Или кто-то просто учится на ошибках прошлого, — я пожала плечами. — Помнишь Гастона? Он тоже копировал мои рецепты, когда хотел подставить меня.

— Гастон мёртв, — напомнил Аркадий. — И его сообщники за решёткой. Но я проверю, не осталось ли у кого-то из его окружения доступа к твоим записям.

В этот момент на кухню, зевая и поправляя бигуди, вышла Лерка. Она была в своём любимом халате с котятками и сразу направилась к чайнику.

— О чём шёпот? — спросила она, ставя чашку на стол. — Что-то случилось? Новые улики? Мы всё ещё идём в часовню?

— Да, — я кивнула. — В полдень. Но сначала завтрак. И, Лера, пожалуйста, без твоего фирменного омлета «Сюрприз». У меня сегодня слишком много дел, чтобы лечить пищевое отравление.

Лерка обиженно фыркнула, но омлет решила не готовить — ограничилась бутербродами. Мы позавтракали, обсудили план действий и ровно в половине одиннадцатого уже стояли у ворот, готовые выдвигаться в сторону старой часовни.

Марсель, как обычно, увязался с нами. Он сидел в переноске с видом короля, которого везут на коронацию, и время от времени требовательно мяукал, напоминая, что если мы не возьмём его с собой, он устроит нечто похуже ограбления антикварной лавки.

Дорога до старой часовни заняла около получаса. Мы шли через поля и небольшую рощу, пока наконец не увидели старую, почти разрушенную каменную постройку, утопающую в зелени плюща. Часовня стояла на небольшом холме, и вокруг неё действительно цвели вишнёвые деревья — те самые, которые, по слухам, давали урожай дважды в год.

— Красивое место, — заметила Лерка, оглядываясь. — И жутковатое. Как в фильмах ужасов.

— Перестань, — я открыла калитку, которая жалобно скрипнула. — Здесь же тихо и мирно.

Внутри часовни было полутемно. Солнечные лучи пробивались сквозь выбитые окна, оставляя на полу причудливые узоры. В центре стоял старый деревянный стол, а на нём — та самая книга, которую мы нашли вчера в шкатулке. Но теперь она была раскрыта на середине.

Рядом с книгой лежал конверт. Я подошла и взяла его — он был без марки, без адреса, но с моим именем. Я вскрыла его и прочитала:

«Манефа, прости, что не встретил тебя лично. Мои враги следят за мной. Я не могу рисковать. Эта книга — не просто сборник рецептов. Это ключ к тому, что скрыто в старом имени Перепонкиных. Там хранится кое-что, о чём даже Аглая не писала в своих дневниках. Иди по вишнёвому следу. И помни: не все пироги одинаково полезны. Хранитель».

— Опять загадки! — Лерка всплеснула руками. — Никодим, ты же мог просто сказать нам прямо! Что значит «иди по вишнёвому следу»? Где здесь вишнёвый след?

Я осмотрелась. На полу, ведущем к алтарю, действительно были разбросаны вишнёвые косточки — они образовывали едва заметную дорожку. Марсель, который до этого спокойно сидел в переноске, вдруг заволновался и начал царапать дверцу. Я выпустила его, и он, не раздумывая, побежал по косточкам, иногда останавливаясь и приносясь.

— Он знает, куда идти, — сказала я. — Пошли за ним.

Мы двинулись за Марселем. Он привёл нас к задней стене часовни, где старый пыльный гобелен скрывал что-то за собой. Я отодвинула ткань и увидела маленькую деревянную дверь,

почти незаметную в каменной кладке. На ней был вырезан полумесяц — тот самый символ, который мы уже видели много раз.

— Это перепонкинский знак, — прошептала Лерка. — Дверь явно не случайно здесь оказалась.

Я попробовала открыть её. Дверь поддалась, и за ней открылась узкая каменная лестница, уводящая вниз. Марсель, не дожидаясь меня, уже нёсся вниз, и его удаляющееся мяуканье служило нам компасом.

Мы спустились в небольшое подземелье. Там, при свете масляной лампы, стоял сундук — кованый, старый, с тем же полумесяцем на крышке. Я открыла его. Внутри, на бархатной подушке, лежали не книга, не карта, а старый, пожелтевший альбом с фотографиями. На первой странице была надпись: «Перепонкины. Воспоминания. 1860-1920».

— Это семейный альбом Аглаи! — воскликнула я, беря его в руки. — Там же есть снимки, которых нет в музее!

Я пролистала страницы. Действительно, здесь были фотографии не только Аглаи и Фёдора, но и каких-то других людей — мужчин в военной форме, женщин в длинных платьях, детей в кружевных воротничках. И в самом конце — одна-единственная фотография, которая привлекла моё внимание. На ней был изображён мужчина с бородой, стоящий у входа в особняк, который я узнала. Это было то самое изображение, о котором говорил Никодим. А на обороте стояла дата: 1885 год и подпись: «Наш дом. Аглая и её брат Осип».

— Брат! — я перечитала подпись несколько раз. — У Аглаи был брат! Никто из нас об этом не знал! Ни в дневниках, ни в письмах, ни в родословной книге — ни слова о брате!

— Потому что его вычеркнули из истории, — раздался за спиной голос.

Мы с Леркой обернулись. На лестнице стоял Никодим Книжный — живой, невредимый, с доброй, но тревожной улыбкой. Он смотрел на альбом и, казалось, был готов вот-вот заплакать.

— Осип был старшим братом Аглаи, — начал он, спускаясь к нам. — Он был талантливым кулинаром, но его рецепты считались опасными. Он верил, что еда может менять человеческую судьбу. Не просто влиять на настроение, а действительно менять её. Он писал рецепты «для разрыва», «для примирения», «для защиты». И когда его начали преследовать власти, Аглая решила вычеркнуть его имя из семейных хроник. Она испугалась за себя и за дочерей. Но она сохранила его альбом и его рецепты. В этой книге, — он указал на старый фолиант, — они зашифрованы. И карта имения — тоже.

— Вы хотите сказать, что эта книга — вовсе не кулинарная? — спросила Лерка.

— Это и кулинарная, и не совсем, — улыбнулся Никодим. — Она — как пирог с двойным дном. Снаружи — рецепты. Внутри — правда о том, кем был Осип и что он оставил потомкам.

Я смотрела на альбом, на книгу, на старого хранителя, и понимала, что мы только что наткнулись на историю, которую Аглая старалась скрыть. И теперь, сто лет спустя, эта история возвращается, чтобы быть рассказом.

Марсель сидел у моих ног и смотрел на меня с выражением, которое я уже научилась читать: «Я же говорил. Тайны всегда всплывают. Особенно если рядом есть кот».

Я закрыла альбом, спрятала его в сумку и посмотрела на Никодима.

— Спасибо, — сказала я. — За доверие. За историю. И за то, что вы есть.

Он кивнул, и в его глазах блеснула слеза.

— Храните её, Манефа. И помните: правда всегда имеет вкус. Иногда сладкий, как вишня. Иногда горький, как миндаль. Но она всегда — настоящая.

Мы выбрались из подземелья и стояли у входа в часовню, глядя на залитое солнцем поле. Вишнёвые деревья уже начинали цвести, и их лепестки, словно снег, кружились в воздухе. Я смотрела на них и думала о том, что впереди у нас — новое приключение. Брат Аглаи, старые рецепты, тайное имение и люди, которые всё ещё охотятся за этим наследием.

— Ну что, — сказала Лерка, поправляя шляпку, — кажется, у нас появилось новое дело. И новый пирог.

— И новый кот, который уже всё знает, — добавила я, глядя на Марселя.

Кот довольно мурлыкнул и, задрав хвост, первым зашагал в сторону дома.

А мы пошли за ним. Потому что в «Шале-Петушках» без приключений никак.

Домой мы вернулись уже к обеду, и первым делом я отправилась на кухню — не столько ради еды, сколько ради привычного успокаивающего ритуала. Замесить тесто, поставить в духовку пирог, выпить чай с мятой — это помогало мне думать, когда мысли путались, как спутанные нитки в бабушкиной корзинке для рукоделия.

Марсель, получив свою законную порцию сливок (он явно считал, что заслужил их сегодняшними подвигами), устроился на подоконнике и принялся следить за птицами, периодически издавая одобрительное урчание. Лерка тем временем разложила на столе альбом, который мы нашли в подzemелье, и принялась его перелистывать, комментируя каждую фотографию с энтузиазмом искусствоведа-любителя.

— Смотри, — воскликнула она, указывая на снимок, — это же та самая усадьба! Та, что на карте. Видишь, здесь на крыльце стоят две женщины — одна Аглая, а вторая, наверное, её сестра? Или невестка?

Я подошла и взглянула на фотографию. Действительно, на снимке была запечатлена усадьба, которую я видела на карте из книги. Высокий каменный дом с колоннами, широкое крыльцо, вдоль которого тянулись клумбы с розами. На переднем плане — две женщины в длинных платьях и мужчина в сюртуке, с бородкой и с лёгкой улыбкой. Это, вероятно, и был тот самый Осип — брат Аглаи, о котором не упоминалось ни в одном документе.

Я взяла альбом в руки и принялась рассматривать фотографии под увеличительным стеклом (Лерка, к счастью, захватила его с собой — она теперь везде носила «детективный набор»). На обороте каждой фотографии стояли даты, иногда подписи. Особенно меня заинтересовал снимок, на котором Осип стоял рядом с большим дубовым столом, уставленным какими-то предметами. На столе лежали старинные книги, несколько кухонных приспособлений и... маленький флакон с тёмной жидкостью. Рядом с ним была приписка: «Эссенция истины. 1873 год».

— Эссенция истины, — прочитала я вслух. — Это же то, о чём говорил Гастон! Он искал что-то подобное! Я помню, в его записях были фразы про «эссенцию правды». А он-то думал, что придумал всё сам!

— Значит, Гастон не был оригинален, — Лерка хмыкнула. — Он просто наткнулся на какую-то информацию о древних рецептах и попытался воссоздать их. Только в итоге получился яд.

— Возможно, он нашёл какие-то записи Осипа, — я задумчиво провела пальцем по старой фотографии. — И решил, что сможет использовать их для своих целей. Но он ошибался. Осип был не шарлатаном и не колдуном. Он был учёным-кулинаром, который экспериментировал с травами и специями. А его «эссенция» была, скорее всего, просто настойкой на травах, которая вызывала лёгкое головокружение и расслабляла мышцы лица, создавая иллюзию «правдивости».

— И Гастон пытался превратить это в оружие, — дополнила Лерка. — Но на самом деле это была лишь медицинская травка. Какая ирония!

Мы ещё раз пролистали альбом, но больше ничего необычного не нашли. Однако сам факт, что у Аглаи был брат, который занимался подобными исследованиями, уже открывал новую страницу в истории рода. И я понимала, что нам нужно больше информации. Например, где находилось то самое имение и что в нём сейчас.

Я позвонила Никодиму, чтобы уточнить детали. Он ответил не сразу, но, услышав мой голос, заговорил слегка взволнованно:

— Манефа, я рад, что ты вернулась. Есть новости, которые лучше обсудить лично. Приходи сегодня вечером ко мне в лавку. Я расскажу тебе то, чего нет в альбоме.

— А что там может быть? — спросила я.

— То, что касается тебя лично, — он замолчал на мгновение. — И твоей семьи. Твоей настоящей семьи.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело. «Настоящая семья»? Что это могло значить? Моя семья — это бабушка Вера, мама, папа, Аркадий, Лерка и Марсель. Но что-то в голосе Никодима намекало, что есть что-то ещё. Кто-то ещё.

Мы договорились встретиться в семь вечера. Лерка тут же начала собираться, заявив, что она «идёт как личный телохранитель и свидетель». Аркадий, который услышал разговор, нахмурился:

— Ты уверена, что это безопасно? После того, как мы нашли книгу и альбом, кто угодно может следить за нами.

— Никодим — Хранитель, — я покачала головой. — Он не причинит мне вреда. Он пытается защитить меня, а не навредить.

— Хорошо, — Аркадий не стал спорить. — Я тоже пойду с вами. На всякий случай.

В семь часов вечера мы стояли у входа в антикварную лавку. Никодим уже ждал нас — он открыл дверь и жестом пригласил войти. Внутри было уютно: горели свечи, на столе стоял чайник и тарелка с печеньем. Он явно готовился к долгому разговору.

— Садитесь, — сказал он, указывая на старые венские стулья. — Я расскажу вам историю, которая изменит ваше представление о семье Перепонкиных.

Мы уселись, и Никодим начал свой рассказ.

— Осип, брат Аглаи, действительно был талантливым исследователем. Но он не просто экспериментировал с едой. Он искал способ продлить жизнь. Он считал, что правильное сочетание трав и специй может замедлить старение. Его рецепты были не для «порчи» и не для «исцеления», как думали современники. Они были для... устойчивости. Для того, чтобы оставаться самим собой, несмотря на возраст.

— И что с ним случилось? — спросила Лерка.

— Он исчез, — Никодим опустил глаза. — В 1888 году он уехал в своё имение и больше оттуда не вернулся. Аглая пыталась его найти, но безрезультатно. Через несколько лет она объявила его мёртвым и вычеркнула из всех семейных книг. Но я знаю, что он не умер. Он просто ушёл в тень.

— Почему? — спросила я.

— Потому что за ним охотились, — Никодим поднял на меня взгляд. — Те самые люди, которые сейчас ищут книгу. Они десятилетиями преследуют наследие Осипа. Они думают, что он создал эликсир бессмертия. И они готовы убить ради него.

Я откинулась на спинку стула. Всё это было похоже на сценарий для фильма ужасов, но я знала: с нашим посёлком такое случается чаще, чем хотелось бы.

— И они думают, что книга — это ключ к этому эликсиру? — спросил Аркадий.

— Да, — кивнул Никодим. — И они уже близко. Один из них был в моей лавке вчера, когда я подложил фальшивую книгу. Он думал, что это настоящая, и чуть не унёс её. Если бы я не подсыпал снотворное в тот пирог, он бы её украл.

— Так вы сами подложили снотворное? — Лерка ахнула. — Но зачем?

— Чтобы он не ушёл, пока не приедет полиция, — Никодим развёл руками. — Я знал, что Воронов скоро будет здесь. Я хотел, чтобы он успел его задержать. Но тот оказался хитрее и сбежал через чёрный ход.

— И кто это был? — спросил Аркадий, доставая блокнот.

— Я не видел его лица, — Никодим покачал головой. — Но он носил кольцо с большим агатом на правой руке. И у него был странный акцент — похоже, он нездешний.

Мы переглянулись. Кольцо с агатом — это была хоть какая-то зацепка.

— Спасибо, Никодим, — я встала, чувствуя, как мысли начинают складываться в картину. — Я продолжу расследование. И обязательно найду вашего вора.

— Будь осторожна, Манефа, — он взял мою руку в свои. — Он опасен. И не один.

Мы вышли из лавки, и я посмотрела на тёмное небо. Марсель, который всё это время ждал нас на улице, приветственно мяукнул. Я взяла его на руки и прижала к себе.

— Кажется, наше новое приключение начинается, — прошептала я.

Кот в ответ замурлыкал. И я знала — он согласен.

Мы вышли из лавки, и я ещё долго стояла на крыльце, переваривая услышанное. Ночь опускалась на «Шале-Петушки» стремительно, словно кто-то задернул занавес, и теперь над посёлком повисла тишина, нарушаемая лишь далёким лаем собак и шёпотом ветра в кронах старых лип. Марсель, который всё это время терпеливо ждал нас на лавочке у входа, поднялся и потёрся о мои ноги, давая понять, что пора двигаться дальше.

— Кольцо с агатом, — задумчиво произнёс Аркадий, когда мы отошли от лавки на безопасное расстояние. — Это не самая распространённая деталь. Я проверю по базе, но, честно говоря, таких людей может быть десятки по области.

— Агат, — Лерка остановилась и прищурилась. — Это же камень, который часто носили масоны. Или я что-то путаю?

— Не совсем, — я покачала головой. — Масоны носили разные камни, но агат действительно часто использовали в перстнях. Однако это слишком общее. Нам нужно что-то более конкретное. Никодим сказал, что у него был странный акцент. Может быть, он иностранец?

— Или южанин, — добавил Аркадий. — У нас в области достаточно приезжих из ближнего зарубежья. Я подниму архивы, проверю, кто в последнее время интересовался антиквариатом или старинными книгами.

Мы свернули на знакомую улицу, где в окнах домов уже загорались тёплые огни. Где-то играла музыка, и пахло жареным луком — кто-то готовил ужин. Обычный вечер в «Шале-Петушках», но для меня он был наполнен ожиданием и тревогой.

Вдруг Марсель, который до этого спокойно шагал впереди, остановился и замер. Его уши насторожились, хвост поднялся трубой. Он посмотрел в сторону переулка, ведущего к старой церкви, и тихо зарычал — не агрессивно, скорее предупреждающе.

— Что там? — я тоже остановилась и прислушалась.

Из темноты донёсся звук шагов. Кто-то шёл к нам, но не спеша, уверенно, словно знал, что мы здесь. Через мгновение из тени вышел человек в длинном чёрном пальто, с седой бородой и в широкополой шляпе. Я узнала его сразу — это был отец Паисий, наш местный священник.

— Добрый вечер, — произнёс он мягким, немного грудным голосом. — Я надеялся встретить вас, Манефа. Мне нужно поговорить с вами.

— С нами? — удивилась я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — О чём?

— О книге, — он подошёл ближе и остановился в нескольких шагах. — О той самой, которую ищут все. Я знаю, что вы нашли её. Вернее, часть её. И я знаю, что Никодим уже рассказал вам про Осипа.

Мы переглянулись. Откуда он знает про Осипа? Это же была тайна, которую Никодим доверил только нам.

— Не удивляйтесь, — отец Паисий слегка улыбнулся. — Я тоже хранитель. Старший хранитель. Я знаю об этой книге больше, чем кто-либо в этом посёлке. И я знаю, кто стоит за охотой на неё.

— Кто? — спросил Аркадий, делая шаг вперёд.

Отец Паисий оглянулся по сторонам, словно проверяя, нет ли кого-то рядом, и понизил голос:

— Это общество. Они называют себя «Хранителями старого вкуса», но на самом деле они — охотники за наследием Осипа. Они считают, что он создал эликсир бессмертия, и готовы пойти на всё, чтобы его заполучить. Десять лет назад я думал, что они распались, но оказалось, они просто ушли в тень. Их глава — человек, которого вы уже знаете. Он носит кольцо с агатом.

— Имя? — Аркадий уже держал блокнот наготове.

— Его зовут Матвей Куликов, — отец Паисий произнёс это имя так, словно оно было проклятием. — Он был когда-то известным коллекционером антиквариата, но потом его интересы изменились. Он поверил, что Осип открыл секрет вечной жизни. И он идёт по следу книги уже двадцать лет.

— Где он сейчас? — спросила я.

— Я не знаю точно, — отец Паисий покачал головой. — Но его люди уже в посёлке. Они ищут вторую половину книги. Ту, которую вы пока не нашли. И, Манефа, — он посмотрел на меня с тревогой, — они знают о вас. Они знают, что вы — наследница Перепонкиных. И они придут к вам.

Марсель, который всё это время сидел у моих ног и внимательно слушал, вдруг поднялся и зашипел в сторону тёмной арки переулка. Я обернулась. В тени мелькнула фигура, и тут же исчезла.

— Нас слушали, — прошептала Лерка, хватая баллончик.

— Уходим, — Аркадий схватил меня за руку и потянул в сторону дома. — Отец Паисий, идёте с нами. Здесь небезопасно.

Мы почти бегом добрались до нашего дома. Я захлопнула дверь, задвинула засов и, переводя дух, прислонилась к стене. Марсель сидел на пороге и смотрел на дверь с таким видом, словно ждал, что кто-то сейчас в неё вломится.

— Итак, — сказала я, когда мы все собрались в гостиной, — у нас есть имя — Матвей Куликов. Есть общество, которое охотится за книгой. Есть батюшка, который оказывается хранителем. И есть вторая половина книги, которую мы ещё не нашли. Что будем делать?

— Для начала, — отец Паисий снял шляпу и сел в кресло, — я отдам вам то, что хранил много лет. Он достал из-под рясы старый конверт и протянул мне. — Это письмо Осипа, адресованное Аглае. В нём он пишет о том, что спрятал вторую половину книги в месте, которое знает только она. И он оставил подсказку. Подсказку, которую вы должны разгадать.

Я взяла конверт, открыла его и вытащила пожелтевший листок, исписанный тем же почерком, что и в альбоме. В письме было несколько строк:

«Дорогая сестра! Если ты читаешь это, значит, я уже ушёл. Я спрятал вторую часть наших исследований там, где мы играли в детстве. Там, где ручей встречается с дубом. Ищи под корнями, и ты найдёшь ключ. Прости меня за всё. Твой брат Осип».

— Ручей и дуб, — прочитала я вслух. — Где это может быть?

— В Заозерном, — ответил отец Паисий. — Там есть старый дуб, который рос ещё при Аглае. Мы с детства знаем это место. Но я никогда не копал под корнями.

— Значит, завтра едем, — сказала я, чувствуя, как в груди разливается азарт. — Мы найдём вторую половину книги раньше, чем это сделает Куликов.

Марсель, который всё это время сидел на подоконнике, вдруг спрыгнул и подошёл ко мне. Он положил лапу на мою руку и мяукнул, словно говоря: «Я с вами. Как всегда».

Мы договорились встретиться утром, перед рассветом, чтобы никто не заметил нашего ухода. Отец Паисий ушёл, пообещав принести лопату и фонари. Лерка принялась готовить сумки: термос с чаем, бутерброды и, конечно, перцовый баллончик. Аркадий звонил в участок и договаривался о прикрытии.

А я стояла у окна, глядя на луну, и думала о том, что эта ночь станет началом чего-то нового. Может быть, опасного. Но точно — важного. Потому что правда, какой бы горькой она ни была, всегда стоит того, чтобы её искать.

Марсель свернулся калачиком у моих ног и замурлыкал, словно напоминая, что я не одна. И я улыбнулась.

— Завтра будет трудный день, — прошептала я ему. — Но мы справимся. Мы всегда справляемся.

Кот в ответ лишь приоткрыл один глаз, и мне показалось, что он улыбнулся.

Утро наступило серым и хмурым, словно сама природа решила, что нашим планам нужна подобающая атмосфера — мрачная, тревожная, с низкими тучами, нависшими над «Шале-Петушками», и с мелким, противным дождём, который начал крапывать ещё затемно и теперь барабанил по крышам с упорством, достойным лучшего применения. Я стояла у окна в своей любимой кухонной пижаме с нарисованными кексами (Лерка подарила на прошлый день рождения, сказав, что это «отражает мою сущность»), и смотрела на мокрые улицы, по которым никто не спешил пройти. Даже собаки попрятались по будкам, и только Марсель, как всегда невозмутимый, сидел на подоконнике и наблюдал за каплями, стекающими по стеклу, с видом короля, которому докладывают о погодных условиях в его владениях.

— Дождь, — констатировала Лерка, появляясь на пороге кухни в своём халате с котятками и с бигуди на голове, которые делали её похожей на инопланетянина с электродами. — Это знак. Знак того, что мы должны отложить нашу экспедицию и остаться дома с чаем и пирогами.

— Это знак того, что мы должны взять зонты, — возразила я, отворачиваясь от окна. — Мы не можем ждать. Каждый час, который мы тратим впустую, даёт Куликову преимущество. Он уже знает, что мы нашли альбом и письмо. Если мы не доберёмся до дуба первыми, он может уничтожить вторую половину книги.

— Или забрать её, — добавил Аркадий, входя на кухню с чашкой кофе в руках. Он был уже одет, в своём неизменном костюме, и выглядел так, словно собирался на допрос, а не на поиски клада в мокром лесу. — Я проверил базу данных. Матвей Куликов действительно существует. Он был коллекционером, но около пятнадцати лет назад его имя начало всплывать в связи с нелегальными сделками с антиквариатом. Несколько раз его задерживали, но каждый раз он выходил сухим из воды. Сейчас он, по официальным данным, живёт за границей, но я не удивлюсь, если он уже здесь. Его связи в криминальном мире достаточно широки.

— Значит, мы должны быть особенно осторожны, — я налила себе чаю и задумалась. — Но у нас есть преимущество. Мы знаем о письме Осипа, а Куликов, возможно, нет. Он ищет книгу, но не знает, где спрятана вторая половина. Мы должны использовать это.

— И мы используем, — Лерка, наконец, села за стол и принялась завтракать, с аппетитом поглощая бутерброд с сыром. — Мы поедем в Заозерное, найдём дуб, откопаем вторую половину книги, вернёмся и спрячем её в таком месте, где Куликов никогда не найдёт. Например, в моей квартире. Там такой беспорядок, что даже я иногда не могу найти свои вещи.

— Твоя квартира — это не тайник, это зона стихийного бедствия, — усмехнулся Аркадий. — Но идея с дубом — хорошая. Я возьму с собой лопату и металлоискатель. Если Осип спрятал книгу под корнями, она может быть в металлической шкатулке или ящике. Это облегчит поиск.

Мы допили чай, собрали необходимые вещи: зонты, тёплые куртки, резиновые сапоги (Лерка настояла на том, чтобы я надела именно их, потому что «в лесу грязь, а ты у нас теперь лицо публичное»), термос с чаем, бутерброды (Лерка упаковала целую сумку, явно планируя пикник в перерывах между раскопками) и, конечно, Марсея. Кот, как только понял, что его берут, перестал демонстративно игнорировать нас и даже позволил себя погладить, что было верным признаком хорошего настроения.

Дорога до Заозерного заняла около получаса. Дождь то усиливался, то затихал, и за окнами машины мелькали мокрые поля, тёмные леса и редкие деревни с покосившимися домами. Я смотрела на этот пейзаж и думала о том, что когда-то по этой же дороге ехала Аглая, чтобы встретиться со своим братом. Что они говорили друг другу? О чём спорили? И почему

Осип решил уйти в тень, оставив всё своё наследие сестре? Вопросов было больше, чем ответов, но я знала: сегодня мы сделаем ещё один шаг к разгадке.

— Расскажи мне ещё раз про Осипа, — попросила я, обращаясь к Аркадию. — Что ты узнал из архивов?

— Не так много, как хотелось бы, — он вздохнул, не отрывая взгляда от дороги. — Осип Перепонкин родился в 1842 году, был на четыре года старше Аглаи. Он учился в Петербурге, потом уехал в Европу, где, по слухам, изучал химию и ботанику. Вернулся в Россию в 1870-х и поселился в Заозерном, в доме, который принадлежал их семье. Там он и начал свои эксперименты. Местные жители считали его чудаком, а некоторые даже боялись. Говорили, что он варит странные зелья и общается с нечистой силой. Но на самом деле он просто был учёным, который опередил своё время.

— Как часто это бывает, — я покачала головой. — Гения всегда считают сумасшедшим, пока его идеи не начинают работать.

— Ага, как моя идея открыть агентство праздников, — вставила Лерка. — Все сначала крутили пальцем у виска, а теперь уже три заказа на следующую неделю!

— Ты сравниваешь организацию детских дней рождения с исследованиями в области кулинарной химии, — усмехнулся Аркадий.

— А что? Праздники — это тоже химия, — Лерка ничуть не смутилась. — Только вместо реактивов — торт и шарики. И эффект тот же: люди становятся счастливее.

Мы рассмеялись, и даже Марсель, сидевший на заднем сиденье в своей переноске, издал одобрительное мурлыканье. В такие моменты я особенно остро чувствовала, что у меня есть не просто семья, а настоящая команда, готовая идти за мной хоть в огонь, хоть в воду, хоть в мокрый лес за старой книгой.

Машина остановилась на окраине Заозерного, возле старой заброшенной дороги, которая вела к лесу. Дальше нужно было идти пешком. Дождь к этому времени почти прекратился, и только редкие капли срывались с листьев, когда мы проходили мимо. Воздух пах мокрой землёй, прелыми листьями и чем-то ещё, неуловимым, что напоминало мне детство, когда я гуляла здесь с бабушкой Верой.

— Идём, — сказала я, поправляя рюкзак, который Лерка нагроутила бутербродами и чаем так, что он тянул плечи вниз. — Ручей должен быть прямо за этим поворотом.

Мы двинулись по едва заметной тропинке, которая вилась между старыми деревьями. С каждым шагом лес становился гуще, и солнечные лучи с трудом пробивались сквозь кроны, оставляя на земле причудливые узоры из света и тени. Где-то вдалеке стучал дятел, и было слышно, как ветер играет в кронах, создавая странные, почти завораживающие мелодии.

— Красиво тут, — заметила Лерка, которая обычно не была склонна к лирике. — Жутковато, но красиво. Как в сказке.

— Как в сказке, в которой есть злодей и сокровище, — согласилась я. — Осталось только найти его.

Марсель, которого я выпустила из переноски, бежал впереди, иногда останавливаясь и припав к земле. Он, казалось, знал, куда идёт, и его уверенность придавала мне сил. Через десять минут мы вышли к ручью. Это был небольшой, но быстрый поток, который журчал по камням, сверкая на редких солнечных лучах. А рядом с ним, на небольшом пригорке, стоял старый дуб. Огромный, развесистый, с корнями, которые выступали из земли, словно мощные руки великана.

— Вот он, — выдохнула я. — Тот самый дуб.

Мы подошли ближе. Дерево было старым, очень старым. Его ствол в обхвате был не меньше трёх метров, а ветви тянулись в разные стороны, создавая огромный шатёр из зелени. Под корнями действительно было небольшое углубление, заросшее травой и мхом. Я опустилась на колени и начала разгребать землю руками, но Аркадий остановил меня:

— Подожди, дай я. У меня есть лопата.

Он аккуратно, чтобы не повредить корни, начал копать. Земля была влажной и податливой, и через несколько минут лопата наткнулась на что-то твёрдое. Я затаила дыхание. Аркадий руками разгрёб остатки земли и извлёк на свет старую металлическую шкатулку. Она была покрыта слоем ржавчины, но на ней, как и на всех вещах Перепонкиных, был выгравирован полумесяц.

— Это она, — прошептала я, беря шкатулку в руки. — Вторая половина.

Я попыталась открыть её, но крышка не поддавалась. Замок был старым, но всё ещё крепким. Лерка тут же достала из своей бездонной сумки связку отмычек (она заявила, что «у каждой уважающей себя детективши должны быть отмычки», и я не стала спорить), и через несколько минут замок щёлкнул.

Внутри, на бархатной подушке, лежали не книга, не рукопись, а маленький кожаный мешочек и сложенный лист бумаги. Я развернула лист. На нём каллиграфическим почерком Осипа было написано:

«Той, кто найдёт это. Ты уже знаешь, кто я. Ты уже знаешь, что я искал. Но теперь ты должна узнать главное: эликсира бессмертия не существует. Есть только правда, которая живёт в каждом из нас. Я не умер, я ушёл, чтобы защитить вас. Но моя работа продолжается. В этом мешочке — семена. Семена дерева, которое растёт только там, где есть любовь. Посади его в саду своего дома, и оно будет напоминать тебе о том, что настоящее бессмертие — это память. Я всегда с вами. Осип».

— Семена, — я высыпала содержимое мешочка на ладонь. Это были маленькие, тёмные зёрнышки, похожие на вишнёвые косточки, но чуть меньше. — Он оставил нам семена. И письмо.

— Семена дерева, которое растёт только там, где есть любовь, — повторила Лерка. — Это же так красиво. И так грустно. Он знал, что его не будет рядом, но он оставил частичку себя.

— И он сказал, что правда живёт в каждом из нас, — добавила я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Может быть, он прав. Может быть, вся эта история — не о том, чтобы найти какое-то магическое средство. А о том, чтобы научиться видеть правду внутри себя.

Аркадий молча обнял меня. Марсель подошёл и потёрся о мои ноги, словно пытаюсь утешить. Я стояла у старого дуба, сжимая в руках семена, которые Осип спрятал больше ста лет назад, и чувствовала, как внутри что-то меняется. Это не было открытием, не было озарением. Это было что-то более глубокое — понимание того, что мы не просто ищем книгу. Мы ищем связь с теми, кто был до нас.

В этот момент, когда тишину леса нарушало только журчание ручья, я услышала шаги. Кто-то приближался. Не один, а несколько человек. Марсель зашипел и прижался к земле. Аркадий выхватил пистолет (я даже не заметила, когда он успел его достать) и встал перед нами, закрывая нас собой.

— Выходите! — крикнул он. — Я знаю, что вы здесь!

Из-за деревьев показались три фигуры. Они были в чёрных плащах, с капюшонами, низко надвинутыми на лица. В руках одного из них я заметила тот самый перстень с агатом.

— Матвей Куликов, — прошептала я.

Он шагнул вперёд и скинул капюшон. Это был мужчина лет шестидесяти, с седой бородой и пронизательными серыми глазами. Он смотрел на меня с лёгкой, почти снисходительной улыбкой.

— Манефа Воронова, — произнёс он низким, немного хриплым голосом. — Я так и знал, что вы придёте сюда. Вы — наследница Перепонкиных, и вы не могли оставить эту тайну без внимания.

— Что вам нужно? — я сжала в руках мешочек с семенами, чувствуя, как они нагреваются в моей ладони.

— Только то, что вы держите в руках, — он указал на мешочек. — Но не семена. То, что внутри них. Мне нужен рецепт. Настоящий рецепт Осипа. А он зашифрован в этих семенах. Если вы отдадите мне их, я оставлю вас в покое.

— Они не ваши, — я сделала шаг назад. — Они принадлежат Перепонкиным.

— Перепонкины мертвы, — он усмехнулся. — Остались только вы. И я. Но я могу сделать вас богаче, чем вы можете себе представить. Я знаю, как использовать эти семена. Знаю, как превратить их в то, что вы даже не можете вообразить. Отдайте их мне, и вы никогда не увидите меня снова.

— Вы лжёте, — сказала я, чувствуя, как голос становится твёрже. — Осип писал, что эликсира бессмертия не существует. Он просто хотел, чтобы его помнили. И это семена — не для того, чтобы делать из них яды или зелья. Они для того, чтобы сажать. Чтобы росла жизнь. А не смерть.

Куликов сделал шаг вперёд, но Аркадий преградил ему путь.

— Вы арестованы за незаконное проникновение на частную территорию и попытку ограбления, — сказал он, держа пистолет наготове. — У вас есть право хранить молчание, но всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Куликов оглянулся на своих людей и вдруг рассмеялся.

— Вы думаете, что ваш пистолет меня остановит? — он посмотрел на меня с холодной насмешкой. — Но я не буду вас задерживать. Я знаю, что вы не отдадите семена. Я просто пришёл посмотреть, на что вы способны. И вы меня впечатлили. Я не идиот, чтобы бросаться на вооружённого следователя. Но я буду ждать. Рано или поздно вы ошибётесь. И тогда я получу своё.

Он развернулся и, не торопясь, направился обратно в лес. Его люди последовали за ним. Когда их силуэты исчезли за деревьями, я перевела дух.

— Он просто пришёл посмотреть? — Лерка была в шоке. — Мы могли бы его арестовать!

— Не могли, — Аркадий убрал пистолет. — У нас нет ордера, и он не совершил никакого преступления на наших глазах. Он просто стоял и разговаривал. Если бы он попытался напасть, это другое дело. Но он умён. Он знает, что не стоит связываться с полицией в открытую. Он будет действовать исподтишка.

Я посмотрела на мешочек с семенами, который всё ещё сжимала в руке. Судьба, казалось, специально проверяла меня на прочность. Но я знала: я не отдам их. Я посажу их в сад, и они вырастут в дерево, которое будет расти и напоминать всем нам о том, что настоящая правда — она не в рецептах и не в эликсирах. Она в любви, в памяти и в том, что мы передаём дальше.

Мы вернулись домой уже под вечер. Дождь прекратился, и небо расчистилось, окрасив закат в розовые и золотые оттенки. Я сидела на кухне, разглядывая семена, которые лежали на столе в маленькой керамической тарелочке. Лерка, уставшая и счастливая, пила чай и строчила планы в блокноте. Аркадий звонил в участок, договариваясь об усилении охраны на случай, если Куликов решит повторить визит.

А Марсель сидел на подоконнике и смотрел на закат, задумчиво помахивая хвостом. В его взгляде было что-то, что я уже научилась понимать: «Всё будет хорошо. Мы справились». И я верила ему.

Перед сном я открыла альбом, который мы нашли в часовне, и посмотрела на фотографию Осипа. Он стоял у того самого дуба, с лёгкой улыбкой, глядя прямо в объектив. И мне показалось, что он подмигнул мне, словно говоря: «Ты всё сделала правильно, наследница. Продолжай».

Я закрыла альбом и улыбнулась. Завтра будет новый день. И, возможно, новая загадка. Но сегодня — мы победили.

Глава 3. Батюшка с лупой

Утро после нашей экспедиции к старому дубу выдалось на удивление тихим и солнечным. Дождь, который моросил весь предыдущий день, словно устал и ушёл отдыхать, уступив место ясному небу и лёгкому ветерку, который доносил с улицы запах мокрой листвы и свежести. Я стояла у окна и смотрела, как Маргарита Павловна, уже в своей неизменной садовой шляпе и с секатором в руках, колдует над своими георгинами, поправляя подпорки и что-то приговаривая цветам. Наверное, уговаривала их цвести дружнее — она всегда так делала.

Марсель, который провёл ночь, свернувшись калачиком на моей подушке (он считал это своим законным правом, и я давно перестала спорить), наконец соизволил проснуться и теперь сидел на подоконнике, следя за каждым движением соседки с подозрительным прищуром. Он явно не доверял её методам садоводства и подозревал, что она тайно пытается вывести сорт георгинов, который будет охотиться на котов.

— Доброе утро, — раздался голос Аркадия, который уже успел сварить кофе и теперь стоял на пороге кухни с чашкой в руках. — Ты выглядишь так, словно всё ещё видишь тот сон про Осипа.

— Я не спала, — призналась я, отворачиваясь от окна. — Всю ночь прокручивала в голове вчерашнее. Куликов, семена, письмо... Как думаешь, он действительно уйдёт?

— Нет, — Аркадий покачал головой, и в его голосе послышалась та самая профессиональная уверенность, которая всегда успокаивала меня, даже когда речь шла о самых опасных вещах. — Он не из тех, кто отступает. Он будет ждать, наблюдать, искать слабое место. Но у нас есть преимущество — мы знаем, что он ищет, а он не знает, что мы уже нашли семена и письмо. Пока что.

— Пока что, — повторила я, чувствуя, как внутри закипает привычное желание действовать. — Значит, нам нужно опередить его. Найти что-то, что он точно не сможет заполучить. И, возможно, понять, что на самом деле скрывается в этих семенах.

— Для этого нам нужна помощь, — сказал Аркадий. — И я знаю, к кому обратиться.

Мы встретились с отцом Паисием в его небольшом доме при церкви — старом деревянном особнячке, утопающем в зелени сирени и жасмина. Дом выглядел уютно и даже немного сказочно, словно сошёл со страниц детских книжек, где добрые волшебники живут в домиках с резными наличниками и обязательно держат кота (у отца Паисия, кстати, тоже был кот — чёрный, с жёлтыми глазами, который, увидев Марселя, немедленно занял оборонительную позицию на верхней полке шкафа и оттуда шипел на нашего рыжего наглеца с невероятным пафосом).

— Не обращайтесь внимания на Барсика, — улыбнулся отец Паисий, приглашая нас в гостиную. — Он у меня дипломат по натуре. Сначала шипит, потом привыкает, а через неделю уже спит в обнимку. Так что вы, Марсель, не обижайтесь.

Марсель, в ответ на это заявление, демонстративно отвернулся и начал вылизывать лапу, давая понять, что он и не собирается дружить с каким-то там чёрным котом, который даже не знает, где лежит лучшая колбаса в посёлке.

Гостиная отца Паисия была заставлена книгами — высокие стеллажи тянулись от пола до потолка, и на них в идеальном порядке стояли тома в кожаных переплётах, старые фолианты, современные издания по истории, богословию и, как ни странно, по кулинарии. Я заметила несколько книг о травах и специях, а также старую поваренную книгу в потёртом переплёте, которая лежала на отдельном столике, словно её специально подготовили для показа.

— Вы, наверное, заметили, что я интересуюсь не только духовными вопросами, — сказал отец Паисий, проследив за моим взглядом. — Я давно изучаю историю нашего края, и особенно

— историю семей, которые здесь жили. Поэтому я знаю о Перепонкиных больше, чем кто-либо, и, возможно, больше, чем они сами знали о себе.

— Вы знали Осипа? — спросила я, чувствуя, как внутри замирает дыхание.

— Нет, я не настолько стар, — он рассмеялся, и его смех был тёплым, как летний дождь. — Но я знал его дневники. Те самые, которые Аглая спрятала после его исчезновения. Она передала их церкви, когда поняла, что не может больше их хранить. Сказала, что когда-нибудь придёт наследница, и тогда дневники должны быть ей переданы. Я ждал этого момента много лет.

Он подошёл к стеллажу и снял с верхней полки старую, пыльную коробку, перевязанную бечёвкой. Поставил её на стол перед нами и развязал узел. Внутри лежали три тетради в потёртых кожаных обложках, исписанные тем же каллиграфическим почерком, что и письмо Осипа.

— Это его дневники, — отец Паисий бережно погладил обложку первой тетради. — Он вёл их с 1875 по 1887 год. Здесь он описывает свои эксперименты, свои мысли, свои страхи. И здесь он рассказывает о том, что на самом деле искал.

— Эликсир бессмертия? — спросила Лерка, которая до этого тихо сидела в углу и сжимала в руках перцовый баллончик (она теперь с ним не расставалась даже в церкви).

— Нет, — отец Паисий покачал головой. — Он искал не бессмертие. Он искал способ сохранить память. Он боялся, что его работу забудут, что его идеи исчезнут вместе с ним. И он придумал рецепт, который, по его мнению, мог помочь человеку запомнить то, что было важно. Не просто вспомнить, а именно запомнить — навсегда, на уровне чувств, на уровне души.

— Так это был не яд, — медленно произнесла я. — Это было что-то вроде... усилителя памяти?

— Именно, — кивнул отец Паисий. — Осип считал, что еда — это не просто топливо для тела. Это носитель информации. Вкусы, запахи, текстуры — всё это может активировать самые глубокие воспоминания. Он хотел создать блюдо, которое помогало бы людям вспоминать то, что они потеряли. И он почти преуспел. Но когда он понял, что его работа привлекает не тех людей, он решил спрятать всё, что создал, и уйти в тень.

— Куликов, — я произнесла это имя, и оно повисло в воздухе, как горький запах. — Он знает об этом?

— Он знает только то, что хочет знать, — отец Паисий вздохнул. — Он слышал о рецепте, но не понял его сути. Он думает, что это эликсир бессмертия, и готов убить ради него. Но он ошибается. Осип никогда не искал бессмертия. Он искал любовь. Любовь, которая не умирает, потому что она живёт в памяти.

Мы сидели в тишине, переваривая услышанное. За окном пели птицы, и где-то вдалеке слышался звон колоколов — наверное, начиналась служба. Я смотрела на дневники, которые лежали передо мной, и понимала, что держу в руках не просто бумагу. Я держу частичку души человека, который жил больше ста лет назад, который боялся быть забытым и который оставил нам ключ к своей правде.

— Можно мне их почитать? — спросила я, и голос мой прозвучал тише, чем я ожидала.

— Они твои, — отец Паисий подвинул коробку ко мне. — Я ждал, когда ты придёшь за ними. Теперь они там, где должны быть.

Я бережно взяла первую тетрадь и открыла её. На первой странице было написано:

«Если ты читаешь это, значит, я уже ушёл. Но я оставляю тебе то, что не успел сказать при жизни. Мои рецепты — это не просто еда. Это способ сохранить то, что дорого. Пользуйся ими с умом. И помни: настоящая правда всегда в сердце. Осип Перепонкин».

Я закрыла тетрадь и прижала её к груди. Внутри разрасталось странное, тёплое чувство, которое я не могла объяснить словами. словно кто-то невидимый обнял меня за плечи и прошептал: «Всё будет хорошо. Ты на правильном пути».

— Батюшка, — спросила я, обращаясь к отцу Паисию, — вы сказали, что знаете о Куликове больше, чем говорили раньше. Что ещё вы можете рассказать?

Отец Паисий задумался, и его лицо стало серьёзным. Он подошёл к окну и посмотрел на улицу, словно проверяя, нет ли там кого-то постороннего.

— Куликов — не единственный охотник за наследием Осипа, — сказал он, не оборачиваясь. — Есть ещё одна группа. Они называют себя «Братья по вкусу». Это общество, которое возникло ещё в начале двадцатого века, когда Осип только начал свои эксперименты. Они считали, что его рецепты — это ключ к тайнам мироздания. Они пытались заполучить их тогда, и они пытаются сейчас. Но они действуют не так, как Куликов. Они не грубы. Они... изощрённее. Они проникают в семьи, в доверие, в душу. И они уже здесь.

— В «Шале-Петушках»? — я почувствовала, как по спине пробегает холодок.

— Да, — он повернулся и посмотрел на меня с тревогой. — Я не знаю, кто именно, но я чувствую, что они уже рядом. Возможно, даже среди тех, кому вы доверяете. Будьте осторожны, Манефа. Не все пироги одинаково полезны, как сказал Никодим. Некоторые из них могут быть с двойным дном.

Мы покинули дом отца Паисия, когда солнце уже клонилось к закату. Дневники Осипа лежали в моей сумке, и я чувствовала их тяжесть — не физическую, а ту, которая бывает, когда держишь в руках чужую память. Лерка шла рядом и молчала — это было так на неё непохоже, что я даже остановилась, чтобы проверить, не заболела ли она.

— Я думаю о том, что сказал батюшка, — наконец произнесла она. — О том, что «Братья по вкусу» уже здесь. Кто это может быть? Мы знаем всех в посёлке. Всех. Кроме... ну, кроме меня. И Марселя.

— Ты хочешь сказать, что подозреваешь кого-то из наших? — я нахмурилась.

— Я не хочу никого подозревать, — Лерка вздохнула. — Но кто-то же оставил тот пирог в лавке. Кто-то знал твой рецепт. Кто-то знал, что Никодим будет там. И это не мог быть кто-то со стороны, потому что чужаки не знают всех тонкостей. Это кто-то из местных. Или кто-то, кто долго здесь живёт.

Мы дошли до дома в молчании, и даже Марсель, который обычно бегал впереди и исследовал каждый куст, на этот раз шёл рядом, прижавшись к моей ноге, словно чувствовал, что я нуждаюсь в поддержке.

Вечером я села за стол и открыла первую тетрадь Осипа. Я читала до глубокой ночи, впитывая каждое слово, каждую запись, каждый рецепт. Он писал о травах, о пряностях, о том, как они влияют на настроение и память. Он писал о своей сестре Аглае, о том, как она поддерживала его, когда все отвернулись. И он писал о своём страхе — страхе, что его работу украдут и используют во вред.

И в самом конце тетради была одна запись, которая заставила меня замереть.

«Я знаю, что они ищут меня. Я знаю, что они хотят заполучить мои рецепты. Но я оставляю им только то, что они заслуживают. Я создал один рецепт — «Пирог истины». Тот, кто съест его, увидит свои самые глубокие желания. Но если он попытается использовать его во зло, пирог станет ядом. Это моя защита. Это моя последняя правда».

Я закрыла тетрадь и посмотрела на Марселя, который спал на стуле рядом со мной, тихо посапывая во сне. Он был таким спокойным, таким безмятежным, словно знал, что я справлюсь с этой новой загадкой.

— «Пирог истины», — прошептала я. — Что же ты такое, Осип? И почему ты оставил эту загадку мне?

Утром я проснулась с чувством, что нашла то, что искала. «Пирог истины» — возможно, это и есть ключ ко всему. И если я смогу его испечь, я смогу понять, кто стоит за всей этой историей. Кто украл книгу, кто оставил тот пирог в лавке, кто преследует нас.

Но сначала нужно было найти рецепт. А рецепт, как я догадывалась, был спрятан не в тетрадах и не в книгах. Он был спрятан в том, что мы уже нашли — в семенах, которые дал мне Осип.

Я взяла мешочек с семенами и высыпала их на ладонь. Они были тёплыми на ощупь, словно живые. И в их тёплом свете мне почудилось, что я слышу голос Осипа: «Посади их, наследница. И тогда ты узнаешь всё».

Я улыбнулась и убрала семена обратно в мешочек. Завтра я посажу их в саду. И посмотрю, что из этого вырастет.

А пока — спать. Потому что завтра будет новый день. И, возможно, новый пирог.

На следующее утро я проснулась с твёрдым намерением посадить семена. Солнце заглядывало в окно спальни, и его лучи, проходя сквозь кружевные занавески, рисовали на полу причудливые узоры, похожие на карту сокровищ. Марсель, который, как всегда, оккупировал мою подушку, приоткрыл один глаз, убедился, что я жива, и снова закрыл его, давая понять, что его величество ещё не готово покидать покои. Но я была настроена решительно.

— Вставай, соня, — я погладила его по рыжей голове. — Сегодня важный день. Мы сажаем дерево.

Кот фыркнул и перевернулся на спину, демонстрируя пушистый живот, который, по его мнению, должен был стать непреодолимым аргументом в пользу того, чтобы я осталась в постели и почёсывала его хотя бы ещё час. Я не поддалась. Вместо этого я надела старые джинсы и резиновые сапоги, которые Лерка называла «моими боевыми ботинками», и отправилась на кухню заваривать чай.

Лерка уже была там — она стояла у плиты и что-то колдовала над сковородой. Запах жареного лука и яиц разносился по всей квартире, и даже Марсель, услышав этот аромат, наконец соизволил спуститься с кровати и направиться на кухню с видом монарха, которому докладывают о начале трапезы.

— Доброе утро! — пропела Лерка, переворачивая омлет с такой ловкостью, что я невольно зааплодировала. — Я решила, что перед такой важной миссией, как посадка исторического дерева, надо плотно позавтракать. А то вдруг упадёшь в обморок от голода, пока будешь копать ямку.

— Ты уверена, что этот омлет съедобен? — я с подозрением посмотрела на сковороду. — Помнишь, что было в прошлый раз?

— В прошлый раз я перепутала соль с сахаром, — Лерка ничуть не смутилась. — А сегодня всё по рецепту. Даже Марсель одобрил, — она кивнула на кота, который уже сидел у её ног и требовательно мяукал, явно рассчитывая на свою долю.

Мы позавтракали (омлет, к моему удивлению, оказался вполне съедобным), и я вышла в сад. Маргарита Павловна, увидев меня с лопатой и мешочком семян, тут же подбежала с секатором в руках, готовая оказать профессиональную помощь.

— Манечка, ты что, решила заняться садоводством? — спросила она, с любопытством разглядывая мешочек. — Это какие-то особенные семена? Георгины? Розы?

— Не совсем, — я улыбнулась. — Это семена дерева. Очень старого. Оно принадлежало моей семье.

— Ой, как интересно! — Маргарита Павловна захлопала в ладоши. — А я как раз в прошлом году вычитала в журнале «Цветовод-любитель», что лучшая пора для посадки деревьев — это ранняя весна или осень. Сейчас, конечно, уже лето, но если хорошо полить, то приживётся. Я помогу!

Я не стала отказываться от помощи. Мы выбрали место в углу сада, где было достаточно солнца и где, по словам Маргариты Павловны, «земля самая питательная». Она принесла свои садовые инструменты и с профессиональной ловкостью начала рыть ямку. Лерка стояла рядом

и морально поддерживала, периодически вставляя комментарии вроде «Глубже, Маргарита Павловна, глубже!» или «А вы точно знаете, где у дерева будет корень?».

Марсель, который тоже присутствовал на этой церемонии, сидел на заборе и с важным видом наблюдал за происходящим. Иногда он подавал голос, и мы все понимали, что это его способ сказать: «Давайте уже заканчивайте с этой вознёй, я хочу обратно на завтрак».

— Вот так, — сказала я, когда ямка была готова. — Теперь главное. Семена.

Я высыпала их на ладонь. Они были тёплыми, как и вчера, и казались живыми, словно внутри них билась крошечная, едва заметная жизнь. Я опустила их в землю, присыпала влажной почвой и аккуратно полила водой из лейки, которую принесла Маргарита Павловна.

— Теперь будем ждать, — сказала я, чувствуя, как внутри разрастается странное, почти детское волнение. — Осип сказал, что они вырастут там, где есть любовь. Я надеюсь, здесь её достаточно.

— Ещё бы, — Лерка обняла меня за плечи. — Здесь столько любви, что дерево вырастет до неба за месяц. Я, конечно, не ботаник, но что-то мне подсказывает, что это будет самое счастливое дерево в нашем посёлке.

Маргарита Павловна, умилённая нашей маленькой церемонией, даже прослезилась и сказала, что будет «ежедневно поливать это чудо, пока оно не вырастет». Я поблагодарила её и мы вернулись в дом.

— А теперь, — сказала я, когда мы сели за кухонный стол, — нам нужно разобраться с «Пирогом истины». Осип оставил запись в дневнике, но полного рецепта нет. Только намёк. И я думаю, что ключ — в этих семенах. Вернее, в том, что они символизируют.

— Что именно? — спросил Аркадий, который как раз подошёл к столу с чашкой кофе.

— Он сказал, что «пирог истины» помогает увидеть свои самые глубокие желания. И что если его использовать во зло, он станет ядом. Возможно, это не буквальный рецепт, а метафора. Может быть, «Пирог истины» — это то, что мы готовим, когда ищем правду. Не в книгах, не в рецептах, а в себе.

— Философски, — заметила Лерка. — Но мы всё-таки кондитеры. Нам нужен настоящий рецепт.

— И он есть, — я взяла в руки мешочек, который мы нашли у дуба. — Осип положил сюда семена. Но он мог положить и что-то ещё.

Я развязала мешочек и высыпала его содержимое на стол. Помимо семян, там оказался маленький, сложенный в несколько раз кусочек пергамента. Я развернула его. На нём было написано всего несколько строк:

«Собери вишни, которые цветут дважды. Добавь специи, которые помнят тепло. Замеси тесто на воде, которая течёт с гор. Испеки в печи, которая помнит огонь. И тогда ты увидишь правду. Осип».

— Вишни, которые цветут дважды, — прочитала я вслух. — Это те самые, что растут у старой часовни. Мы их видели.

— А «специи, которые помнят тепло»? — Лерка нахмурилась. — Что это за специи? Корица? Имбирь? Гвоздика?

— Не знаю, — я покачала головой. — Но, возможно, это связано с теми рецептами, которые мы нашли в альбоме Осипа. В дневнике есть записи о травах и специях. Нужно их изучить.

Аркадий, который всё это время молча слушал, отодвинул чашку с кофе и сказал:

— Я проверю, нет ли у нас в архивах информации о «специях, которые помнят тепло». Возможно, это какой-то конкретный вид пряностей, который использовали в тех краях. А ты пока изучи дневники. Если рецепт действительно существует, он должен быть где-то там.

Я кивнула и взяла первую тетрадь. Мы работали до самого вечера. Я перечитывала дневники, Аркадий — архивы, а Лерка параллельно переписывалась с какой-то своей подругой из города, которая работала в библиотеке и могла найти старые газеты и статьи о Перепонкинах.

К восьми часам вечера у нас накопилось достаточно материала. Я нашла несколько упоминаний о «специях, которые помнят тепло» — это были пряности, которые Осип привозил из своих путешествий и хранил в специальной шкатулке. Самая важная из них была — чёрный кардамон. Он редко использовался в обычной выпечке, но Осип считал его «ключом к древним рецептам».

— Чёрный кардамон, — я выписала это слово в блокнот. — Возможно, это он. Теперь осталось найти «воду, которая течёт с гор». Это, скорее всего, родник в Заозерном. Тот самый, где мы нашли первую часть книги.

— Тогда завтра мы снова едем в Заозерное, — сказал Аркадий. — Я возьму выходной. Это важнее, чем бумаги в участке.

Лерка отложила телефон и подошла к столу.

— Я всё проверила, — сказала она. — Никаких упоминаний о «Братьях по вкусу» в открытых источниках нет. Но моя подруга сказала, что в конце XIX века действительно существовал кружок, который назывался «Общество любителей старинной кулинарии». В нём состояли учёные, кулинары и даже священники. Возможно, это они.

— Священники? — я переглянулась с Аркадием. — Как отец Паисий?

— Не знаю, — Лерка пожала плечами. — Но он, как мы уже выяснили, хранитель. И он знает о Перепонкиных больше, чем говорит. Может быть, он тоже был частью этого общества?

— Или он знает того, кто был, — добавил Аркадий. — Завтра, перед поездкой в Заозерное, я зайду к нему и поговорю более предметно. А вы пока готовьтесь.

Я кивнула и снова открыла дневник Осипа. На одной из последних страниц я нашла ещё одну запись, которая заставила меня задуматься:

«Братья по вкусу всегда рядом. Они не носят масок. Они — те, кто предлагает тебе лучший кусок. Те, кто улыбается, когда ты ешь. Они ищут не рецепты, а секрет. И когда они найдут его, они заберут и тебя. Берегись сладких обещаний».

Я закрыла тетрадь и посмотрела на Марселя, который сидел на полу и вылизывал лапу после ужина. Он, казалось, был единственным, кто не беспокоился о том, что нас ждёт.

— Ну что, хвостатый, — сказала я, улыбнувшись. — Готов к новому приключению?

Кот в ответ лишь приоткрыл один глаз и одобрительно мяукнул. Я знала: завтра мы узнаем больше. И, возможно, наконец поймём, что скрывается за «Пирогом истины».

А пока — спать. Потому что утро вечера мудренее, а у нас впереди долгая дорога и, возможно, новые открытия.

Мы расстались с отцом Паисием уже затемно, когда на улицах «Шале-Петушков» зажглись фонари, а в домах загорелись тёплые жёлтые окна. Батюшка стоял на пороге своего дома, провожая нас взглядом, и я чувствовала на спине его пристальный, чуть тревожный взгляд. Казалось, он хотел что-то добавить, но передумал, только перекрестил нас вслед и тихо произнёс: «С Богом».

— Станный он, — заметила Лерка, когда мы отошли на безопасное расстояние. — Вроде и добрый, и помогает, и дневники отдал, но что-то в нём есть такое... недоговорённое. Как будто он знает больше, но боится сказать.

— Или не хочет нас пугать, — предположила я. — Он уже сказал нам про «Братьев по вкусу». Может, он думает, что этой информации достаточно. А остальное мы должны узнать сами.

— Или он проверяет нас, — добавил Аркадий, который шёл чуть позади и всё это время молчал, погружённый в свои мысли. — Хочет увидеть, насколько мы готовы к тому, что нас ждёт. В конце концов, он же хранитель. Может быть, это тоже часть испытания.

Мы дошли до нашего дома, и я, прежде чем войти, обернулась и посмотрела на церковь, которая темнела в конце улицы. В одном из её окон горел свет — наверное, отец Паисий зажёл лампаду перед иконой. Или просто читал вечернюю молитву. В любом случае, я чувствовала, что наш разговор с ним был только началом чего-то большего.

Ночью мне снова снился Осип. Он стоял у того самого дуба в Заозерном, но теперь дерево было молодым и зелёным, а сам Осип выглядел живым, улыбался и держал в руках тарелку с пирогом. «Попробуй, — сказал он, протягивая мне тарелку. — Это тот самый. Пирог истины». Я взяла кусок, поднесла ко рту, но проснулась прежде, чем успела откусить.

Утро встретило меня серым небом и мелким дождём, который опять начал моросить, словно природа решила, что вчерашней солнечной погоды было достаточно. Я стояла у окна и смотрела на сад, где вчера мы посадили семена. Земля была влажной, и я даже могла разглядеть небольшой холмик, который образовался на месте посадки. Маргарита Павловна, как и обещала, уже поливала его из лейки и что-то шептала — наверное, заговор на быстрый рост.

— Как думаешь, оно прорастёт? — спросила Лерка, подходя ко мне с чашкой чая в руках. Она была в своём новом халате с нарисованными пончиками, и я невольно улыбнулась — эта женщина умудрялась даже в такие моменты выглядеть так, словно собралась на вечеринку.

— Должно, — ответила я. — Осип не стал бы оставлять нам семена, если бы они не могли прорасти. Это не просто дерево, это символ. Символ того, что его работа продолжается. Что память живёт.

— Красиво, — сказала Лерка. — И немного грустно. Как будто он прощается с нами через это дерево.

— Может быть, так и есть, — я повернулась к ней. — Может быть, он знал, что мы когда-нибудь придём, и оставил нам эту связь. Сегодня мы должны найти последние ингредиенты для «Пирога истины». Ты готова?

— Всегда, — Лерка улыбнулась и подмигнула. — Я уже собрала рюкзак. Бутерброды, термос с чаем, перцовый баллончик, зонты, аптечку и, конечно, Марселя. Он уже ждёт у двери.

Кот действительно сидел на пороге с таким видом, словно он уже всё решил за нас и теперь просто ждал, когда мы соизволим присоединиться к его экспедиции. Увидев, что я беру куртку, он одобрительно мяукнул и первым выбежал на улицу.

Мы выехали в Заозерное, когда дождь наконец утих, оставив после себя влажный, но свежий воздух. Дорога была мокрой, и машина слегка вихляла на поворотах, но Аркадий вёл уверенно, а Лерка, сидящая на заднем сиденье, развлекала нас историями из своего детства, которые, как всегда, были наполовину выдуманными, но от этого не менее увлекательными.

— Помню, как мы с бабушкой искали клад в её огороде, — говорила она, поправляя шляпку, которая слегка съехала на бок. — Она сказала, что прадед закопал сундук с золотыми монетами под старой яблоней. Мы перекопали весь сад, но нашли только старый ботинок и банку с соленьями. Зато яблоки в тот год выросли огромные. Наверное, от нашей веры в чудо.

— Ты хочешь сказать, что мы сейчас тоже ищем что-то, что может оказаться просто ботинком? — усмехнулся Аркадий.

— Нет, — серьёзно ответила Лерка. — Я хочу сказать, что иногда важнее не то, что мы находим, а то, что мы чувствуем в процессе поиска. Осип, наверное, тоже хотел, чтобы мы не просто нашли его рецепты, а прожили эту историю. Прочувствовали её.

Я улыбнулась. Лерка иногда говорила такие мудрые вещи, что я удивлялась, как она умудряется сочетать их с перцовыми баллончиками и шляпками с вишнями. Но, наверное, в этом и была её сила: она видела суть даже в самых, казалось бы, нелепых ситуациях.

Машина остановилась на окраине Заозерного, и мы снова пошли пешком, но на этот раз не к дубу, а к старому роднику, который, по словам отца Паисия, был тем самым местом, где брали воду Осип и Аглая. Дорога была знакомой — мы уже ходили здесь, когда искали первую

часть книги. Но сейчас лес казался другим: более таинственным, более тихим, словно он тоже ждал, что мы откроем что-то важное.

Родник находился в небольшой ложбине, окружённой старыми камнями, поросшими мхом. Вода в нём была кристально чистой и, казалось, светилась изнутри. Я опустилась на колени и зачерпнула её ладонью. Она была ледяной и такой прозрачной, что можно было разглядеть каждую песчинку на дне.

— «Вода, которая течёт с гор», — прошептала я. — Это она.

Мы набрали воды в стеклянную бутылку, которую Лерка предусмотрительно захватила с собой, и уже собирались уходить, когда Марсель, который всё это время сидел на камне и смотрел на нас, вдруг вскочил и начал настойчиво скрести лапой по земле у корней старой берёзы, которая росла рядом с родником.

— Что он нашёл? — Лерка подошла ближе.

Я тоже подошла и присела на корточки. Земля под лапами Марселя была мягкой, и когда я начала разгребать её руками, я наткнулась на что-то твёрдое. Это был маленький, завернутый в промасленную ткань свёрток. Я развернула его. Внутри лежал старый, пожелтевший лист бумаги и маленький ключ.

Я развернула лист. На нём было написано:

«Если ты нашёл это, значит, ты уже нашёл воду. Теперь ты готова узнать правду. Следующая подсказка — у Аглаи. В её доме есть тайник, который она спрятала от всех. Даже от меня. Но ты, наследница, должна его найти. Ключ откроет тебе дверь. Осип».

— У Аглаи? — Лерка прочитала записку через моё плечо. — Но мы уже обыскивали её дом! Мы нашли все тайники!

— Значит, не все, — я сжала ключ в руке. — Осип сказал, что Аглая спрятала что-то от всех. Даже от него. Возможно, это именно то, что нам нужно.

Мы вернулись в «Шале-Петушки», когда солнце уже клонилось к закату. Я сидела в гостиной и разглядывала ключ, который мы нашли у родника. Он был маленьким, изящным, с ажурной головкой, на которой был выгравирован полумесяц. Он явно подходил к какому-то старинному замку.

— У нас есть дом Аглаи, — сказала я, обращаясь к Аркадию и Лерке. — Он сейчас принадлежит музею, но я всё ещё могу туда войти. У меня есть ключи.

— И мы идём туда сейчас? — Лерка уже была в боевой готовности.

— Прямо сейчас, — я встала. — Но сначала я хочу кое-что проверить.

Я прошла в спальню и открыла старую шкатулку, где у меня хранились реликвии Перепонкиных. Там лежали брошь «Плачущая форель», родословная книга, письма Аглаи и венчальные свечи. Я достала альбом, который мы нашли в часовне, и принялась листать его, внимательно рассматривая каждую фотографию.

И тут я заметила то, на что раньше не обращала внимания. На одной из фотографий, где Аглая стояла у входа в свой дом, на заднем плане была видна маленькая дверца в стене, которая вела, судя по всему, в подвал. Но когда мы осматривали дом, я не видела этой двери. Она, вероятно, была замаскирована или заставлена мебелью.

— В доме есть подвал, — сказала я. — И он скрыт. Мы его не заметили, потому что он был заставлен. Но он есть.

Через час мы стояли у старого дома Аглаи в Заозерном. Петрович, который, к счастью, был на месте и, как всегда, пил чай в своей сторожке, удивился нашему позднему визиту, но не стал препятствовать. Он только сказал, что «ночью в старых домах водятся не только призраки, но и тайны», и пожелал нам удачи.

Мы прошли в гостиную и начали осматривать стены. Я знала, что должна быть дверь, но её не было видно. Только старая картина в массивной раме висела на том месте, где, судя по фотографии, находилась дверь.

— Снимите картину, — сказала я.

Аркадий подошёл и осторожно снял её. За ней действительно оказалась дверца — маленькая, почти незаметная, но с той же резьбой и полумесяцем, что и на ключе. Я вставила ключ в замок. Он подошёл идеально. Замок щёлкнул, и дверца открылась.

За ней была крутая каменная лестница, уходящая в темноту. Я взяла фонарик (Лерка, конечно, захватила его с собой) и начала спускаться.

Внизу был небольшой, но сухой подвал. В центре его стоял старый дубовый стол, а на нём — шкатулка, точно такая же, как та, что мы нашли в часовне. Я открыла её. Внутри лежала тонкая тетрадь, перевязанная шёлковой лентой, и, на удивление, — старый рецепт вишнёвого пирога, написанный рукой Аглаи. Но это был не обычный пирог. Это был тот самый «Пирог истины» — со всеми ингредиентами, которые искал Осип.

Я взяла тетрадь в руки и начала читать вслух:

«Дорогая моя наследница! Если ты читаешь это, значит, ты прошла весь путь. Ты нашла дневники Осипа, ты посадила семена, ты взяла воду из родника и нашла ключ. Теперь ты готова испечь «Пирог истины». Но помни: этот пирог — не для всех. Только тот, кто ищет правду, сможет его съесть. Тот, кто ищет власти, найдёт только горечь. Я верю в тебя. Аглая».

Я дочитала и почувствовала, как внутри разливается тепло. Мы сделали это. Мы нашли рецепт. Теперь осталось только испечь его.

Мы поднялись наверх, и я снова посмотрела на тетрадь. В ней было всё: вишни, которые цветут дважды; чёрный кардамон; вода из родника; и ещё одна специя, о которой я не догадывалась — «щепотка любви». Аглая написала, что это самый важный ингредиент. Без него пирог не получится.

Вечером, когда мы вернулись домой, я поставила на стол все ингредиенты. Марсель сидел рядом и внимательно наблюдал за мной, словно проверяя, всё ли я делаю правильно. Лерка наливала чай, а Аркадий стоял у окна и смотрел на закат, который окрасил небо в тёплые розовые тона.

— Завтра я испеку этот пирог, — сказала я, чувствуя, как внутри зарождается спокойствие и уверенность. — И мы узнаем, что же на самом деле скрыто в его рецепте. И, возможно, мы наконец поймём, кто стоит за всеми этими загадками.

— Ты уверена, что это безопасно? — спросил Аркадий, оборачиваясь.

— Да, — я улыбнулась. — Я верю в Аглаю. И верю в то, что правда не может навредить тем, кто её ищет.

Ночь прошла спокойно. Я спала без снов, чувствуя, что мы на верном пути. А утром я проснулась с твёрдым намерением испечь тот самый «Пирог истины» — пирог, который должен помочь мне увидеть правду.

И, возможно, этот пирог станет началом нового этапа в нашей жизни.

— Завтра, — сказала я себе, — я буду печь правду.

Я проснулась затемно, ещё до того, как первые лучи солнца коснулись горизонта. В спальне было тихо, только Марсель, свернувшийся калачиком на моей подушке, издавал ровное, успокаивающее мурлыканье, похожее на работу маленького трактора. Аркадий спал на боку, подложив руку под голову, и его дыхание было таким глубоким и мирным, что я на мгновение задержалась, любясь этой картиной. В такие моменты я особенно остро чувствовала, как много у меня есть: любящий муж, верная подруга, кот-детектив, который всегда найдёт то, что нужно, и теперь — ещё и наследие Осипа и Аглаи, которое я должна была сохранить и передать дальше.

Я осторожно, чтобы не разбудить никого, выбралась из кровати и на цыпочках прошла на кухню. За окном уже начинало светать, и небо окрашивалось в бледно-розовые тона, предвещая ясный день. Дождь, который мучил нас последние дни, наконец ушёл, уступив

место чистому, прозрачному воздуху, в котором чувствовалась свежесть и какая-то особенная тишина, бывающая только ранним утром, когда весь мир ещё спит.

Я заварила себе чай с мятой (мой любимый утренний ритуал) и села за кухонный стол, разложив перед собой все ингредиенты для «Пирога истины». На столе лежали: мешочек с вишнями, собранными у старой часовни (я специально сохранила их, когда мы нашли те деревья, которые цвели дважды в год); баночка с чёрным кардамоном, которую я нашла в старой кладовке Аглаи в Заозерном; бутылка с водой из того самого родника; и, конечно, щепотка любви — самая важная и самая эфемерная часть рецепта.

Я перечитала рецепт, записанный рукой Аглаи, ещё раз, стараясь запомнить каждую деталь. Там не было точных пропорций, не было времени выпечки. Только краткие, почти поэтические указания: «Замеси тесто на воде, которая течёт с гор, не торопясь, как льётся время. Добавь вишни, помнящие дважды цвет. Приправь кардамоном, который хранит тепло. И никогда не забывай про любовь. Она — единственное, что делает пирог настоящим».

— Никаких граммов, никаких минут, — прошептала я, чувствуя, как внутри растёт лёгкая паника. — Как мне это испечь? Как понять, когда тесто готово? Как узнать, достаточно ли любви?

— Вкусом, — раздался сонный голос Лерки, которая появилась на пороге кухни в своём халате с пончиками и с бигуди на голове, напоминавшими антенны для приёма космических сигналов. — Ты же кондитер. Ты чувствуешь тесто руками. Ты слышишь, как оно дышит. Ты знаешь, когда оно готово. И я знаю, что ты чувствуешь любовь. Так что просто делай то, что делаешь всегда. Пеки.

— А что, если не получится? — я всё ещё сомневалась. — Что, если я сделаю что-то не так и пирог станет ядом, как предупреждал Осип?

— Тогда я съем его первой, — Лерка села напротив и взяла мою руку в свои. — Если я умру, значит, правда была слишком сильной для нас. Но я не умру. Потому что я верю в тебя. И в этот пирог.

Я улыбнулась. Лерка умела находить нужные слова даже в самые сложные моменты. И я поняла, что она права. Нужно просто начать. А дальше всё покажет само тесто.

Я начала месить тесто. Руками, как учила бабушка Вера, как делала, наверное, Аглая, как делал Осип, когда экспериментировал со своими рецептами. Мука была самой обычной, но когда я добавила воду из родника, она вдруг стала другой — более живой, более эластичной. Тесто дышало в моих руках, словно оно было живым существом, и я чувствовала, как внутри него зарождается что-то тёплое, почти магическое.

— Я думаю, у тебя получается, — сказала Лерка, которая стояла рядом и наблюдала за моими движениями, словно зритель в первом ряду на премьере спектакля. — Это тесто пахнет так, как пахнет дом. Как пахло у моей бабушки, когда она пекла пироги. Я даже не знаю, как это описать словами. Просто — дом.

Я кивнула, не прерывая процесса. Я чувствовала то же самое. Тесто пахло детством, пахло бабушкиными руками, пахло тем самым уютом, который невозможно купить или создать искусственно. Он либо есть, либо его нет. И сейчас он был.

Когда тесто было готово, я убрала его в холодильник — оно должно было настояться в течение нескольких часов, как писала Аглая в своей тетради. «Дайте тесту время почувствовать себя. Оно должно запомнить то, что вы в него вложили», — значилось в рецепте. Я накрыла его льняным полотенцем и закрыла дверцу холодильника.

— Теперь ждать, — сказала я. — И готовить начинку.

Начинка была самой простой и самой сложной одновременно. Вишни нужно было перебрать, очистить от косточек, но не все — по преданию, три косточки должны были остаться в пироге, «чтобы пирог помнил, что жизнь несовершенна», как писала Аглая. Чёрный кардамон нужно было растолочь в ступке, но не до порошка, а до состояния крупных частиц, «чтобы

вкус не терял своей силы». И самое главное — добавить любовь. Я знала, что это не просто слова. Это было состояние души. Когда я думала о тех, кого любила, я чувствовала, как внутри разливается тепло, которое передавалось тесту. Я думала об Аркадии, о Лерке, о Марселе, о бабушке Вере, об Аглае и Осипе. Я думала о всех, кто помог мне стать той, кем я стала. И я чувствовала, что любви во мне достаточно, чтобы наполнить ею весь пирог.

К полудню тесто подошло. Я достала его из холодильника, раскатала на посыпанной мукой доске и начала формировать пирог. В середину я выложила вишнёвую начинку, посыпала кардамоном и добавила три маленькие вишнёвые косточки, как было завещано. Затем я закрыла пирог второй половиной теста, защипала края и сделала наверху несколько отверстий, чтобы пар мог выходить.

— Это похоже на древний обряд, — заметил Аркадий, который уже давно стоял в дверях и молча наблюдал за моими действиями. — Ты сейчас похожа на жрицу, которая приносит жертву.

— Может быть, так и есть, — я улыбнулась. — Жертву любви. Или жертву правде. Я не знаю точно. Но я чувствую, что это важно.

Пирог отправился в духовку. Я установила температуру не по рецепту (его не было), а по своим ощущениям — ровно настолько, чтобы он пропёкся, но не сгорел, чтобы вишни отдали свой сок, но не превратились в кашу, чтобы тесто стало золотистым и хрустящим, но не потеряло своей мягкости внутри. Я стояла перед духовкой и смотрела, как пирог начинает подниматься, как его поверхность покрывается лёгкой румяной корочкой, и чувствовала, как внутри нарастает волнение, которое я не могла объяснить словами. Это было похоже на ожидание чуда.

— Через час он будет готов, — сказала я, садясь за стол. — А пока — мы ждём.

Ждать было трудно. Марсель, который всё утро просидел на подоконнике и следил за каждым моим движением, прыгнул и подошёл к духовке. Он сел перед ней и уставился на стекло, за которым медленно, но верно созревал пирог. Лерка крутилась по кухне, наливая всем чай, хотя никто не просил. Аркадий сел рядом со мной и взял меня за руку.

— Всё будет хорошо, — сказал он. — Ты справишься с более сложными задачами. Осип и Аглая знали, что делают. Они ждали именно тебя.

— Я надеюсь, что они не ошиблись, — ответила я, сжимая его ладонь. — Потому что если я испеку неправильный пирог, я не только не узнаю правду, но и, возможно, причиню вред тем, кто меня окружает. И это хуже всего.

— Ты не причинишь вреда, — сказал он. — Потому что ты делаешь это с чистой душой. А у тебя она чистая. Я знаю.

Час пролетел незаметно. Когда таймер прозвенел, я сняла пирог и поставила его на решётку остывать. Он был идеальным: золотистый, с аппетитной корочкой и таким ароматом, который заполнил всю квартиру и даже, кажется, просочился на улицу. Маргарита Павловна, которая как раз поливала свои георгины, принялась и заглянула в окно.

— Манечка, что это за запах? — спросила она. — У меня чуть лейка из рук не выпала! Так пахло в детстве, когда бабушка пекла вишнёвый пирог!

— Это он и есть, — ответила я. — Вишнёвый пирог. Только не совсем обычный.

— Я хочу кусочек! — заявила Маргарита Павловна. — Вы же не откажете старой женщине?

— Обязательно, — я улыбнулась. — Приходите вечером. Будем пробовать.

Когда пирог остыл, я нарезала его на куски. Лерка уже держала наготове тарелки и чашки, Аркадий заварил свежий чай, а Марсель занял почётное место на стуле, давая понять, что он тоже будет дегустировать. Я взяла самый аккуратный кусок и положила его на тарелку.

— Кто будет первым? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Ты, — сказала Лерка. — Это твой пирог. Твоя история. Ты должна первая попробовать правду.

Я взяла кусочек и поднесла ко рту. Он был тёплым, нежным и таким вкусным, что я на мгновение забыла о том, что это не просто еда. Но когда я прожевала, я вдруг почувствовала, как внутри начинает разливаться что-то новое — не тепло, не радость, а какое-то глубинное понимание. Я увидела, нет, я почувствовала — я вспомнила, что когда-то Аглая и Осип стояли у этого самого стола и спорили о том, можно ли сохранить память с помощью еды. Я увидела их лица, их руки, которые месили тесто, и услышала голос Осипа: «Ты не должна бояться правды, сестра. Она не сделает тебя слабее. Она сделает тебя сильнее».

Я открыла глаза. Лерка и Аркадий смотрели на меня с нетерпением.

— Что ты видела? — спросила Лерка.

— Я видела их, — прошептала я. — Аглаю и Осипа. Они были здесь, в этой самой кухне. Они спорили о чём-то, но в их голосах была любовь. И я поняла, что «Пирог истины» — это не магия. Это способ услышать то, что ты уже знаешь, но забыл. Или боишься вспомнить.

— И ты узнала, кто стоит за кражей книги? — спросил Аркадий.

— Нет, — я покачала головой. — Но я узнала, что Куликов не единственный. И что «Братья по вкусу» — это не просто общество. Это люди, которые хотят использовать наследие Осипа не для того, чтобы сохранить память, а чтобы уничтожить её. Они хотят стереть прошлое и переписать историю заново. И книга — только начало.

Мы сидели за столом и ели пирог. Марсель, получив свой кусочек (без вишен, потому что кошкам нельзя), довольно мурлыкал. Лерка, жуя, строчила в своём блокноте что-то про «Братьев по вкусу». Аркадий, как всегда, анализировал информацию, сопоставляя факты.

Вдруг в дверь постучали. Это была Маргарита Павловна. Она пришла с большим пакетом, из которого торчали банки с вареньем.

— Я принесла угощение! — заявила она. — Вишнёвое варенье. И клубничное. И черешневое. Я думала, что если уж вы печёте такие пироги, то надо иметь подходящие соусы.

Мы пригласили её за стол. Она попробовала кусочек пирога, закрыла глаза и зажмурилась.

— Ой, Манечка, это же тот самый вкус, — сказала она, когда открыла глаза. — Тот самый, который я помню из детства. Моя бабушка пекла точно такой же пирог. Она говорила, что рецепт передаётся в нашей семье из поколения в поколение. Я не думала, что он существует на самом деле. Я думала, это просто легенда.

— Какой рецепт? — я насторожилась.

— Рецепт вишнёвого пирога, — она улыбнулась. — Но я думала, что он утерян. А вы его испекли.

Я почувствовала, как внутри похолодело. Если у Маргариты Павловны был тот же рецепт, значит, её семья тоже была связана с Перепонкиными. Или с Осипом. Или с кем-то ещё.

— А вы не знаете, откуда у вашей бабушки был этот рецепт? — спросила я.

— Она говорила, что его дал ей один странный человек, — Маргарита Павловна нахмурилась, пытаясь вспомнить. — Он был учёным. Или поваром. Или тем и другим одновременно. Он сказал, что пирог помогает людям не терять себя. И что когда-нибудь его должна испечь наследница.

— Это был Осип, — прошептала я. — Ваша бабушка знала Осипа.

— Возможно, — Маргарита Павловна покачала головой. — Я не уверена. Я никогда не интересовалась этой историей. Но теперь, когда я попробовала ваш пирог, я вспомнила запах. И голос. Он говорил, что правда всегда возвращается. И вот она вернулась.

Я взяла руку Маргариты Павловны и сжала её.

— Спасибо, что пришли, — сказала я. — Спасибо, что поделились этим воспоминанием. Теперь я знаю, что мы на правильном пути.

Мы сидели и говорили до самого вечера. О старых временах, о семьях, о том, что любовь и память передаются через такие вещи, как пироги. Когда Маргарита Павловна ушла, я ещё долго сидела у окна и смотрела на тёмное небо.

— Я поняла кое-что, — сказала я Лерке и Аркадию, которые тоже задержались на кухне. — «Пирог истины» — это не просто еда. Это способ соединить прошлое и настоящее. Когда я его испекла, я вспомнила то, что никогда не знала. Я почувствовала связь с ними. И это — настоящая правда. Не та, которую можно прочесть в книгах, а та, которую можно почувствовать сердцем.

— И что ты собираешься делать дальше? — спросила Лерка.

— Я хочу найти «Братьев по вкусу», — сказала я. — Не для того, чтобы бороться с ними. А для того, чтобы понять, почему они так хотят уничтожить наследие Осипа. Возможно, у них есть своя правда. И возможно, она тоже заслуживает того, чтобы быть услышанной.

— Тогда мы начинаем новое расследование, — сказал Аркадий, и в его глазах зажглась знакомая искорка азарта.

— Мы всегда начинаем новое расследование, — я улыбнулась. — Но на этот раз оно будет другим. Мы не будем искать книгу. Мы будем искать правду. Ту, которую Осип и Аглая хотели сохранить. Ту, которую мы должны передать дальше.

Марсель, который всё это время спал на моих коленях, вдруг открыл глаза и мяукнул. И в этом мяуканье мне почудилось одобрение. Или согласие. Или просто признание того, что он, как всегда, с нами.

И я поняла, что завтра начинается новый день. И он будет полон тайн, открытий и, конечно, пирогов. Потому что без пирогов правда не была бы такой вкусной.

Глава 4. Тайна старого шкафа

Утро после нашего импровизированного пиршества с Маргаритой Павловной выдалось хмурым и задумчивым. Я сидела на кухне с чашкой остывшего чая и смотрела на остатки «Пирога истины», который мы так и не доели — после того, как я поделилась своим видением, кусок почему-то перестал казаться просто едой. Он стал чем-то вроде реликвии, доказательством того, что прошлое может говорить с нами через то, что мы готовим.

За окном снова собирался дождь. Низкие тучи затягивали небо, превращая утро в серый, бесцветный день, когда даже птицы предпочитали сидеть по гнёздам и не рисковать лишний раз вылетать на прогулку. Марсель, как всегда, оккупировал подоконник и смотрел на улицу с видом философа, который уже всё понял про этот мир и теперь просто наблюдает, как остальные пытаются в нём разобраться.

Лерка появилась на кухне, когда я уже допивала свою вторую чашку. Она была в своём боевом настроении — это означало, что у неё созрел план. Я узнала это по тому, как она вошла: не просто вошла, а ворвалась, размахивая блокнотом и телефоном, словно они были её оружием.

— Маня! — воскликнула она, плюхаясь на стул. — Я всю ночь не спала, я перерыла интернет и нашла кое-что! Ты не поверишь, что я раскопала!

— Если это опять про заговор почтальонов, то я не готова, — я поставила чашку и посмотрела на неё с лёгкой улыбкой. — У нас сейчас другие приоритеты.

— Это не про почтальонов! — Лерка обиженно надула губы, но тут же снова засияла. — Это про «Братьев по вкусу». Я нашла их эмблему. Смотри!

Она протянула мне телефон. На экране была старая, чёрно-белая фотография, на которой я с трудом разглядела группу людей в старомодных костюмах и длинных платьях. Они стояли на фоне того самого дома в Заозерном, который принадлежал Перепонкиным, а над ними висел герб с изображением вишнёвой ветви и ложки.

— Это общество «Братьев по вкусу»? — я взяла телефон и приблизила изображение. — Они были в доме Аглаи?

— Да! — Лерка подпрыгнула на стуле. — Я нашла это на одном старом форуме, где коллекционеры антиквариата обсуждают редкие кулинарные книги. Оказывается, «Братья по вкусу» собирались в доме Перепонкиных регулярно. Они были не врагами, а союзниками! Или, по крайней мере, так считали сначала.

— А что случилось потом? — я перевела взгляд на неё.

— Потом они поссорились, — Лерка перелистнула страницу в своём блокноте. — По некоторым данным, внутри общества произошёл раскол. Одна группа хотела сохранить рецепты Осипа в тайне, чтобы они не попали в чужие руки. Другая — использовать их для личной выгоды. Осип, по-видимому, встал на сторону первых. А вторые, судя по всему, и есть те самые «Братья», которые охотятся за книгой до сих пор.

— Значит, внутри общества был предатель, — я нахмурилась. — Или группа предателей, которые решили, что наследство Осипа должно принадлежать им.

— Именно! — Лерка захлопнула блокнот. — И я думаю, что Куликов — это один из них. Или их лидер. Он не просто охотится за рецептами, он хочет завершить то, что не удалось его предшественникам.

Мы сидели в тишине, переваривая эту информацию. Марсель, услышав, что разговор становится серьёзным, спрыгнул с подоконника и подошёл к нам, требуя, чтобы его погладили. Я автоматически провела рукой по его рыжей шерсти, но мысли мои были далеко.

— Если Куликов действительно из этой группы, — медленно начала я, — то он знает о Перепонкиных гораздо больше, чем мы думаем. Возможно, он знает то, что не написано ни

в дневниках, ни в письмах. И возможно, именно поэтому он так уверен, что рано или поздно получит то, что ищет.

— Тогда нам нужно узнать, что именно он знает, — раздался голос Аркадия, который стоял в дверях кухни. Он был уже одет и, судя по всему, успел сходить за новостями из участка. — У нас есть одна зацепка. Помнишь шкаф в доме Аглаи, который мы не могли открыть?

— Тот самый старый шкаф в спальне? — я повернулась к нему. — Мы пытались его открыть, но замок был сломан, и мы не хотели его ломать.

— Я договорился с Петровичем, — Аркадий сел за стол. — Он согласился, чтобы мы попробовали вскрыть шкаф без повреждений. У него есть старый ключ от тех времён, который, возможно, подойдёт. Я думаю, что в этом шкафу может быть что-то, что связывает Аглаю и Осипа с «Братьями по вкусу». Или даже документы, которые объясняют, почему общество распалось.

— Тогда едем сейчас, — я встала. — Не нужно ждать, пока Куликов опять опередит нас.

Через час мы уже стояли в доме Аглаи в Заозерном. Петрович, который радушно встретил нас с неизменным чаем и печеньем, проводил нас в спальню, где стоял тот самый старый шкаф. Он был массивным, резным, с тёмными пятнами времени на дереве. Его дверцы были украшены изображением вишнёвой ветви — точно такой же, как на эмблеме «Братьев по вкусу».

— Я никогда не мог его открыть, — сказал Петрович, почёсывая затылок. — Пытался разными ключами, но ни один не подошёл. Мне всегда казалось, что там что-то важное, но я не хотел ломать такую красоту.

Аркадий подошёл и внимательно осмотрел замок. Это был старый, хитроумный механизм, который явно требовал особого подхода. Он достал ключ, который ему дал Петрович, и вставил его в скважину. Ключ вошёл не до конца.

— Не подходит, — сказал он, вынимая ключ. — Нужен другой.

— У меня есть кое-что, — я вытащила из кармана маленький ключик, который мы нашли у родника в Заозерном. — Тот самый, что Осип оставил для Аглаи. Может быть, он от этого шкафа?

Я вставила ключ в замок. Он вошёл идеально. Повернула — раздался шелчок, и дверцы шкафа медленно, со скрипом, открылись.

Внутри было темно, и пахло старым деревом и пылью. Я заглянула внутрь. На полках лежали аккуратно сложенные вещи: старые кружевные салфетки, пожелтевшие письма, перевязанные лентой, и несколько книг в потёртых переплётах. На нижней полке стояла шкатулка, инкрустированная перламутром.

Я взяла её и открыла. Внутри лежал сложенный в несколько раз лист бумаги и маленький медальон. Я развернула бумагу и прочитала:

«Мои дорогие потомки! Если вы читаете это, значит, вы нашли то, что я спрятала от всех — даже от Осипа. Я хочу, чтобы вы знали правду о «Братьях по вкусу». Они не были злодеями. Они были теми, кто пытался спасти наследие Осипа от уничтожения. Но среди них был один, кто предал их всех. Его звали Матвей Куликов, и он был потомком тех, кто враждовал с нашей семьёй. Он проник в общество, чтобы разрушить его изнутри. Когда я узнала об этом, было уже поздно. Я спрятала самые важные документы, чтобы он не нашёл их. И я молюсь, чтобы когда-нибудь они попали в руки настоящей наследницы. Ты — эта наследница. Используй эти документы с умом. И помни: правда сильнее лжи, даже если ложь живёт дольше. Аглая».

Я перевела дух и взяла в руки медальон. Он был серебряным, с гравировкой на внутренней стороне: «Куликовы и Перепонкины. Вражда и примирение. 1865». Год, когда началась вражда между двумя семьями.

— Матвей Куликов, — прошептала я. — Он был потомком тех, кто враждовал с Перепонкиными. Он проник в «Братьев по вкусу», чтобы уничтожить их изнутри. И он всё ещё жив. И всё ещё ищет свою цель.

— Значит, это не просто охота за рецептами, — сказал Аркадий. — Это личная вендетта, которая тянется больше ста лет.

— Да, — я сжала медальон в руке. — И теперь мы знаем, что он ищет не книгу. Он ищет способ завершить то, что начали его предки.

Мы вернулись домой уже под вечер. Я сидела на кухне, разглядывая документы, которые нашла в шкафу. Там были письма, старые фотографии, записи о встречах «Братьев по вкусу». И среди них — одно письмо, которое заставило меня замереть.

«Дорогой Осип! Я знаю, что ты боишься за свои рецепты. Я знаю, что ты хочешь защитить их от Куликовых. Но я верю, что однажды найдётся тот, кто сможет примирить наши семьи. Моя дочь, твоя племянница, когда-нибудь встретит дочь Куликова, и они поймут, что вражда бессмысленна. Я молюсь об этом. Аглая».

— Она верила в примирение, — тихо сказала я. — Она думала, что однажды их семьи смогут помириться.

— И она была права, — Лерка подошла и положила руку мне на плечо. — Потому что теперь у нас есть ты. Ты можешь закончить эту вражду. Или, по крайней мере, попытаться.

Я улыбнулась. Возможно, Лерка была права. Но сначала мне нужно было разобраться с Куликовым. И с его тайным обществом. И с книгой, которую я всё ещё не нашла.

А пока — я положила медальон в карман и сказала себе, что завтра мы начнём новое расследование. Но сегодня я хотела просто посидеть в тишине, обняв Марселя, и подумать о том, как далеко мы зашли.

— Мы справимся, — сказала я вслух, но так, чтобы никто не услышал. — Мы всегда справлялись.

Кот в ответ мурлыкнул и положил голову мне на руку. И я знала — он верит в меня.

Мы сидели на кухне до позднего вечера, разбирая документы из шкафа Аглаи. Лерка, вооружившись лупой (она теперь носила её в отдельном кармашке, как настоящий детектив), изучала каждую бумажку с такой тщательностью, словно от этого зависела судьба мира. Аркадий, как всегда, делал пометки в своём блокноте, раскладывая письма по хронологии и пытаясь восстановить полную картину событий. Марсель, уставший от нашей активности, мирно спал на моих коленях, изредка подёргивая лапами во сне — наверное, ему снилась охота за особенно вкусной колбасой.

Я перечитывала письмо Аглаи в который раз, пытаюсь уловить то, что ускользало от моего внимания при первом прочтении. Она писала о Куликовых с какой-то особенной, почти печальной интонацией, словно сожалела о том, что вражда длится так долго. И в самом конце письма, почти на полях, была приписка, сделанная более мелким почерком:

«P.S. Если ты, наследница, когда-нибудь найдёшь это письмо, ищи ответы там, где старый дом встречается с новым временем. Там, где Куликовы оставили свой след. Я не говорю, что это будет легко. Но это будет правдой. Аглая».

— «Где старый дом встречается с новым временем», — прочитала я вслух. — Что это может значить? Где в нашем посёлке есть старый дом, который как-то связан с Куликовыми?

— Я знаю одно место, — сказала Лерка, отрываясь от своей лупы. — Помнишь старый особняк на окраине, который стоит пустым уже лет двадцать? Тот, с колоннами и заросшим садом? Местные говорят, что он принадлежал каким-то богатым купцам. Может быть, это и есть дом Куликовых?

— Но он заброшен, — я нахмурилась. — Мы проходили мимо него несколько раз. Там даже забор обвалился, и все окна забиты досками.

— Это не значит, что там ничего нет, — заметил Аркадий. — Заброшенные дома часто хранят секреты. Особенно такие старые, с историей. Если Куликовы действительно жили там, они могли оставить что-то важное. Может быть, даже ту самую книгу, которую мы ищем.

— Или ключ к ней, — я почувствовала, как внутри снова закипает знакомый азарт. — Тогда завтра мы идём туда.

— Завтра, — согласился Аркадий. — Но сначала давайте соберём всю информацию, которая у нас есть. Лера, что ты ещё нашла в интернете про Куликовых?

Лерка зашуршала страницами своего блокнота, который за время нашего расследования превратился в настоящую энциклопедию.

— Матвей Куликов, наш современник, действительно является прямым потомком той самой семьи, которая враждовала с Перепонкиными. Его прадед, Иван Куликов, был купцом первой гильдии и торговал пряностями. Он несколько раз пытался выкупить рецепты Осипа, но каждый раз получал отказ. После смерти Осипа Иван решил, что рецепты должны принадлежать ему по праву, и начал охоту за ними. Он даже создал тайное общество, которое назвал «Хранителями старого вкуса» — в противовес «Братьям по вкусу», которые были на стороне Перепонкиных.

— Значит, «Хранители» и «Братья» — это две противоборствующие группы, — я провела пальцем по линии на схеме, которую рисовал Аркадий. — «Братья» хранили тайну, а «Хранители» хотели её раскрыть и использовать.

— Именно, — Лерка кивнула. — И эта вражда длилась десятилетиями. Потом «Братья» почти исчезли, а «Хранители» переродились в современное общество, которым руководит Куликов. Но он не просто продолжает дело своих предков. Он одержим идеей найти наследие Осипа и доказать, что его семья была права. Для него это не просто охота за рецептами. Это личная месть.

— Месь, — повторила я, чувствуя, как тяжесть этого слова ложится на плечи. — За то, что его предкам отказали.

— И за то, что Перепонкины, по его мнению, присвоили то, что принадлежало всем, — добавил Аркадий. — Он считает, что рецепты Осипа — это общее достояние, и что Перепонкины не имели права прятать их.

— Но они и не прятали, — возразила я. — Они хотели защитить их от тех, кто мог использовать их во вред. Осип сам писал, что его рецепты — это не оружие, а память. И если ими воспользуются неправильно, они могут принести только горе.

— Куликов этого не понимает, — сказала Лерка. — Или не хочет понимать. Для него это символ победы. Он хочет доказать, что его семья была права, и что Перепонкины — просто эгоисты, которые спрятали рецепты, чтобы другие не могли их получить.

Мы сидели в тишине, обдумывая услышанное. За окном уже стемнело, и в комнате было слышно только тиканье старых часов, которые Аркадий принёс из участка и починил. Их мерный стук успокаивал и навевал мысли о том, что время идёт, а история продолжается.

— Я хочу сходить в этот дом, — наконец сказала я. — Завтра. Прямо утром. Я хочу посмотреть, что там осталось от Куликовых. Может быть, там есть что-то, что поможет нам понять, что он ищет на самом деле.

— Я с тобой, — Лерка уже начала собирать свою сумку, словно поход был назначен на сегодняшнюю ночь. — И Аркадий, конечно, тоже. И Марсель. Без него никуда.

— Ещё бы, — я улыбнулась, погладив кота, который на мгновение приоткрыл глаза, услышав своё имя, и снова закрыл их. — Он у нас теперь главный детектив.

Мы легли спать поздно, но я долго не могла уснуть. Я лежала в темноте и смотрела в потолок, прокручивая в голове всё, что мы узнали. Вражда двух семей, которая длится больше ста лет. Тайное общество, которое раскололось на две части. И один человек, который хочет завершить эту историю любой ценой.

Мне казалось, что я чувствую присутствие Аглаи и Осипа в этой комнате. Они как будто стояли рядом и смотрели на меня с надеждой. Они верили, что я смогу завершить то, что они начали. И я не хотела их подводить.

В конце концов я уснула, и мне приснился сон. В нём я стояла в старом доме Куликовых. Вокруг было темно и сыро, пахло пылью и старым деревом. Я слышала шаги за спиной, но когда оборачивалась, там никого не было. И вдруг я увидела свет в конце коридора. Я пошла на него и оказалась в комнате, где стоял стол, накрытый белой скатертью, а на нём — пирог с вишнями. Рядом с пирогом лежала записка: «Всё начинается там, где заканчивается ложь».

Я проснулась с чувством, что это был не просто сон. Это было послание.

Утром я рассказала свой сон Лерке и Аркадию. Они восприняли его с серьёзностью, на которую были способны только люди, прошедшие через столько приключений, сколько прошли мы.

— Это знак, — сказала Лерка, завязывая шнурки на своих кроссовках. — Мы идём в правильном направлении.

— Или мой мозг просто обрабатывает информацию, — я улыбнулась, но на душе было легче. — В любом случае, нам нужно проверить этот дом.

Старый особняк Куликовых стоял на окраине «Шале-Петушков», заросший диким виноградом и сиренью, которая уже начинала цвести. Забор был обвалившимся, и мы легко проникли на территорию через проём в ограде. Дом выглядел внушительно, но заброшенно: окна были забиты досками, крыша местами провалилась, и из одной из комнат торчала труба, которая, видимо, вела в камин.

— Красивое место, — заметила Лерка, оглядываясь. — Если бы не такое запустение, здесь можно было бы сделать отличный музей. Или кондитерскую. Или что-то ещё.

— Сначала давай проверим, что там внутри, — сказал Аркадий, подходя к двери. Она была приоткрыта, и я с удивлением заметила, что замок на ней не сломан, а аккуратно взломан — кто-то был здесь до нас.

Мы вошли внутрь. В холле было темно, и пахло сыростью и старой древесиной. На полу виднелись следы — кто-то недавно здесь ходил. Я нагнулась и рассмотрела их внимательнее. Это были следы мужских ботинок, довольно свежие.

— Здесь кто-то был, — тихо сказала я. — Несколько дней назад. Или даже сегодня.

— Куликов? — спросила Лерка, сжимая в руке перцовый баллончик.

— Возможно, — Аркадий достал пистолет. — Будьте осторожны.

Мы медленно двинулись по коридору, заглядывая в комнаты. Мебель была старой, покрытой пылью, и повсюду валялись обрывки газет и старые вещи. В одной из комнат я заметила стол, на котором лежали разложенные документы. Я подошла поближе и увидела, что это были копии писем Аглаи и Осипа. Рядом стояла лупа и несколько фотографий.

— Он ищет то же, что и мы, — сказала я, беря в руки одну из фотографий. — Это снимок той самой шкатулки, которую мы нашли в шкафу.

— Значит, он знает о ней, — произнёс Аркадий. — И он опередил нас.

Но в этот момент Марсель, который всё это время шёл сзади, вдруг издал громкое мяуканье и бросился вперёд, к лестнице, ведущей на второй этаж. Мы побежали за ним.

Наверху, в одной из комнат, Марсель остановился у старого комода. Он начал настойчиво скрести лапой по нижнему ящику. Я подошла и открыла его. Внутри, среди старых журналов и пожелтевших салфеток, лежал тот самый медальон, который мы видели в шкафу Аглаи, только этот был парным. На внутренней стороне было написано: «Матвею Куликову. В память о примирении. Аглая Перепонкина».

Я взяла медальон в руки и поняла, что Аглая не просто хранила этот медальон. Она хотела, чтобы он попал к Куликову. Но почему-то не отдала его. Возможно, она ждала подходящего момента. Или того, кто сможет передать его правильно.

— Она пыталась помириться, — прошептала я. — Она сделала этот медальон для Матвея. Но не успела его отдать. И теперь он здесь.

— Или она не хотела, чтобы он попал к нему, — сказал Аркадий. — Может быть, это была ловушка.

— Нет, — я покачала головой. — Я чувствую, что это искренне. Она действительно хотела мира. И возможно, этот медальон — ключ к тому, чтобы остановить Куликова. Если он увидит, что Аглая хотела мира, может быть, он поймёт, что его вражда бессмысленна.

Мы взяли медальон и направились к выходу. Когда я уже выходила из комнаты, я заметила на стене фотографию, которую раньше не видела. На ней был изображён молодой человек, который очень напоминал Куликова, с которым я столкнулась у дуба. Рядом с ним стояла женщина — она была похожа на Аглаю.

— Это, наверное, тот самый Матвей, — сказала Лерка, заглядывая через плечо. — Или его отец. Или дед.

— Неважно, — я сняла фотографию со стены. — Это доказательство того, что они были близки. Что вражда могла закончиться ещё тогда. Но что-то пошло не так.

Мы вышли из дома, и я почувствовала, что мы нашли не просто улики. Мы нашли ключ к пониманию того, что движет Куликовым. Не месть. Не жадность. А обида. Обида на то, что его предкам отказали в том, что они считали своим. И если я смогу показать ему, что Аглая хотела примирения, возможно, он остановится.

Вечером мы сидели на кухне, разглядывая медальон и фотографию. Марсель, как всегда, сидел рядом, внимательно следя за нашими действиями. Лерка уже строчила план завтрашнего дня, Аркадий проверял свои контакты, чтобы найти способ связаться с Куликовым.

— Я хочу встретиться с ним, — сказала я, глядя на медальон. — Не для того, чтобы бороться. А для того, чтобы поговорить. Показать ему этот медальон и рассказать, что Аглая хотела мира.

— Это опасно, — предупредил Аркадий. — Он может не захотеть слушать.

— Но это единственный способ, — я взяла его за руку. — Если мы не попробуем, вражда продолжится. И может быть, даже перейдёт на наших детей. Я не хочу, чтобы они жили с этим грузом.

Аркадий вздохнул, но кивнул. Он знал, что я права.

— Тогда завтра мы найдём его, — сказал он. — Но мы пойдём вместе. И если что-то пойдёт не так, я вытащу тебя оттуда.

— Договорились, — я улыбнулась.

Мы легли спать рано, но я долго не могла уснуть. Я сжимала медальон в руке и думала о том, что завтрашний день может изменить всё. И что я, наконец, смогу закончить эту историю.

А Марсель, устроившийся у моих ног, мурлыкал во сне, словно одобряя мои планы. И я знала — с ним я справлюсь с чем угодно.

Ночь прошла тревожно, но без снов. Я лежала в темноте, сжимая в руке медальон, который Аглая когда-то приготовила для Матвея Куликова, и чувствовала, как его прохладный металл постепенно нагревается от тепла моей ладони. Где-то в глубине дома тихо тикали часы, и этот звук, казалось, отсчитывал не просто минуты, а целые эпохи. Сто лет прошло с тех пор, как Аглая написала своё письмо. Сто лет, как она надеялась на примирение. И вот теперь я держу в руках её надежду, её последнюю попытку остановить вражду, которая длилась дольше, чем жизнь любого из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.